

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Российская криминологическая ассоциация

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции,
приуроченной к 30-летию Российской криминологической ассоциации

18 – 21 августа 2021 г.

Владимир – Суздаль

Владимир 2021

УДК 343.9
ББК 67.51
В26

Редакционная коллегия:

В. В. Меркурьев, доктор юридических наук, профессор
В. В. Иринчеев, кандидат юридических наук, доцент
А. В. Кудрявцев, доктор юридических наук, доцент
А. В. Кисляков, кандидат юридических наук
Ю. Н. Климова, кандидат юридических наук, доцент

Издаются по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Вектор развития криминологии в XXI веке : тез. докл. все-
В26 рос. науч.-практ. конф., приуроч. к 30-летию Рос. криминол. ас-
соц., 18 – 21 авг. 2021 г., Владимир – Суздаль / Владим. гос. ун-т
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Рос. криминол. ассоц. – Владимир :
Изд-во ВлГУ, 2021. – 128 с. – ISBN 978-5-9984-1321-6.

Представлены тезисы докладов и выступлений преподавателей, аспирантов высших учебных заведений, а также работников органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоприменительных органов, адвокатов и других специалистов, занимающихся проблемами борьбы с преступностью.

Предназначены для научных и педагогических работников, судей, прокурорских работников, сотрудников правоохранительных органов, представителей законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти, а также аспирантов, соискателей, адъюнктов, курсантов, студентов и всех интересующихся проблемами борьбы с преступностью.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-9984-1321-6

© ВлГУ, 2021
© Российская криминологическая
ассоциация, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	5
КРИМИНОЛОГИЯ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И РОССИЙСКАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ.....	7
Евланова О. А., Павловская Н. В. О тенденциях развития криминогенной ситуации в Российской Федерации	24
Шестаков Д. А. Политические перспективы завтрашнего преступноведения.....	43
Меркурьев В. В. Поиск модели развития криминологии в XXI веке в условиях новой холодной войны	49
Гришко А. Я. Криминологический эксперимент в практике противодействия преступности: история, состояние, перспективы	57
Орлов В. Н. Общая часть Криминологического кодекса Российской Федерации: основные идеи	61
Сумачев А. В. Обычное право в системе профилактики правонарушений мигрантов (использование криминологических знаний в организации борьбы с преступностью)	65
Серебренникова А. В. Страх и любовь как мотивы правомерного поведения	69
Готчина Л. В. Современные криминологические тенденции преступности несовершеннолетних и молодежной преступности в России	73
Закомолдин Р. В. Криминологическая политика и политика противодействия преступности: соотношение категорий.....	77
Робак В. А. Меры противодействия незаконному обороту оружия.....	82

Кисляков А. В. Медико-социальная реабилитация осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, как эффективный инструмент достижения целей наказания	87
Хохрин С. А. Состояние пенитенциарной преступности и горизонты развития криминологии.....	92
Поливанов А. В. Основания криминализации пранка.....	97
Патрушева М. С. Школа как субъект предупреждения преступности несовершеннолетних в сельской местности.....	102
Сердюков А. В. Место и роль криминологии в системе научных знаний об обществе и человеке	105
Колотова Ю. А. Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития.....	110
Исмагилова А. В. Влияние криминологии на развитие криминалистического учения о личности	115
Уфимцев А. Н., Чиркина А. Ю. Определение способа совершения преступлений, связанных с медицинской деятельностью.....	118
Карлов И. В. Тенденции развития и перспективные средства противодействия пенитенциарной преступности в Российской Федерации	123

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

В 2021 г. Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация» (далее: Ассоциация) отмечает свой очередной юбилей – 30 лет со дня образования. В ознаменование этого знакового события в мире юридической науки, совпавшего с Годом науки и технологий (указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 182), Ассоциация совместно с Владимирским государственным университетом имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых и Университетом прокуратуры Российской Федерации проведет Всероссийскую научно-практическую конференцию «Вектор развития криминологии в XXI веке». Научное мероприятие состоится во Владимире и Суздале 18 – 21 августа 2021 г. В нем примут участие представители законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти, органов прокуратуры, других правоохранительных органов и спецслужб, ведущих российских криминологов, правоведов, прокуророведов, криминалистов и экспертов из более чем сорока регионов России.

За прошедшие тридцать лет Ассоциация, возглавляемая ее бессменным лидером и ученым с мировым именем Азалией Ивановной Долговой, внесла существенный вклад в общее дело преумножения знаний о преступности, ее причинах и мерах реагирования на наиболее опасные ее проявления, решения актуальных проблем научного обеспечения борьбы с организованной преступностью, коррупцией, экстремизмом и терроризмом, наркопреступностью, преступностью несовершеннолетних и молодежи.

Многолетний опыт Ассоциации по распространению и практическому использованию результатов криминологических исследований в интересах научно обоснованного, законного, справедливого и гуманного решения проблем борьбы с преступностью воистину является продолжением давних демократических традиций юридических обществ, существовавших в России в XIX и начале XX вв. и объединявших передовую интеллигенцию.

На конференции предполагается подробно: обсудить вопросы места и роли криминологии в системе научных знаний об обществе и человеке, тенденций и перспектив развития криминологической науки и криминологии как учебной дисциплины, результаты борьбы с наиболее актуальными проявлениями преступности и ее новыми видами, проблемы использования криминологических знаний, результатов научных исследований в законотворческой, правоприменительной и экспертной деятельности; обменяться результатами новейших криминологических исследований, проводимых в регионах России и за рубежом.

Представленные вашему вниманию тезисы выступлений участников конференции являют собой убедительный научный арсенал средств, способный послужить на благо науки и практики, став источником новых идей и творческого вдохновения, выработать правовые и организационные меры для решения задач борьбы с преступностью, координации правоохранительной деятельности, снижения уровня криминальной угрозы, повышения качества работы судов, органов прокуратуры, дознания и предварительного следствия.

Выражаем уверенность в том, что по итогам плодотворной работы конференции ее участники смогут взаимно обогатить потенциал криминологических и иных научных знаний, поделиться опытом своей профессиональной деятельности, а также окунуться в атмосферу многовековой преемственности и целостности культуры русского народа, ознакомиться с драгоценными памятниками прошлого, архитектурными ансамблями и всемирно известными объектами культурного, исторического наследия, которыми так богата Владимирская земля.

Оргкомитет конференции благодарит ООО «Монострой» (ОГРН 1033303401636, ИНН 332908433641; КПП 772701001) за поддержку издания сборника.

Желаем всем плодотворной и интересной работы!

Оргкомитет конференции

КРИМИНОЛОГИЯ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И РОССИЙСКАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

*Материал основан на статье Азалии Ивановны Долговой,
доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РСФСР,
президента Российской криминологической ассоциации,
опубликованной в № 1 журнала
«Российский криминалистический взгляд» за 2014 г.*

Потребность в криминологических знаниях обостряется в условиях, когда преступления перестают носить характер эксцессов отдельных лиц и приобретают распространенный характер. Тогда вслед за вопросом о том, почему человек совершает преступление, появляются другие: почему для решения своих проблем многие избирают преступный путь? что делать в целях недопущения этого? достаточно ли только средств уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного реагирования?

На эти вопросы отвечали ученые и политики, писатели и поэты. Учения о преступлениях известны давно – с тех пор, как появилась письменность. Однако история криминологии как самостоятельной науки насчитывает примерно 120 лет. Ее предтечами были статистические, антропологические, социально-экономические, социально-правовые исследования преступлений и преступников.

Возрождение отечественной криминологии связывается с созданием в 1963 г. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. По оценкам первого директора профессора И. И. Карпеца и его заместителя профессора В. Н. Кудрявцева, институт создавался прежде всего ради развития криминологии, криминологических исследований. Этот институт вскоре стал самым крупным в мире научно-исследовательским учреждением, специализировавшимся на научной разработке всего комплекса проблем борьбы с преступностью, в рамках всех наук антикриминального цикла.

В этом институте работали многие известные криминологи: доктора юридических наук, профессора А. А. Герцензон, В.К. Звирбуль, С. М. Иншаков, Г. М. Миньковский, А. Б. Сахаров, К. Ф. Скворцов, В. Г. Танасевич, А. С. Шляпочников, В. Б. Ястребов, Т. А. Боголюбова, кандидаты юридических наук С. Б. Алимов, М. В. Королева, В. В. Панкратов, В.А. Серебря-

кова, Г. В. Антонов-Романовский, В. Н. Тищенко и др. В настоящее время там работают доктора юридических наук, профессора О.С. Капинус (ректор), П.В. Агапов, С.Д. Белоцерковский, Т. А. Диканова, А. Н. Ларьков, В. В. Меркурьев, кандидаты юридических наук О.А. Евланова, Д.И. Ережипалиев, Д.А. Соколов, М.В. Ульянов, Б.Э. Хатов и другие известные ученые.

Серьезные криминологические исследования проводились и проводятся учеными Института государства и права Российской академии наук. В нем работали доктора юридических наук, профессора С. В. Бородин, А.М. Яковлев, доцент А. С. Никифоров, трудятся в настоящее время доктор юридических наук, профессора В. В. Лунеев, С. В. Максимов и др.

Значительный вклад в развитие криминологии внесли сотрудники ведомственных научно-исследовательских учреждений, особенно ВНИИ МВД Российской Федерации, где проводили исследования доктора юридических наук, профессора Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, С. И. Гирько, В. Е. Квашиш, А. Л. Ситковский и др. Ранее в нем работали доктора юридических наук, профессора К. К. Горяинов, А. И. Гуров, А. С. Михлин, Э. Ф. Побегайло, П. Г. Пономарев, Ю. В. Солопанов, Н. А. Стручков, Г. Ф. Хохряков.

Проводились и проводятся криминологические исследования и в других образовательных организациях высшего образования, в том числе на юридическом факультете МГУ (профессор В.И. Селиверстов, доценты Ю. Г. Козлов, А. А. Матвеева и другие, ранее там работали профессор В.С. Комиссаров, Н. Ф. Кузнецова и С. С. Остроумов), юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Там трудились такие известные ученые, как доктор юридических наук, профессор Н. А. Беляев, Б. В. Волженкин, Н. С. Лейкина, В. В. Орехов, М. Д. Шаргородский, Д. А. Шестаков, доцент Н. П. Грабовская и др.

Известны криминологические труды преподавателей юридического факультета Уральской юридической академии (докторов юридических наук, профессоров Ю. А. Воронина, М. П. Зацепина, М. И. Ковалева и др.), юридического института Дальневосточного государственного университета (докторов юридических наук, профессоров А. И. Коробеева, В. А. Ноконова, Л. И. Романова, ранее там работали П. С. Дагель, Р. И. Михеев), юридических факультетов иных университетов и академий (докторов юридических наук, профессоров З. А. Астемирова, Г. Н. Горшенкова, М.П.

Клейменова, Л. М. Прозументова, С. Л. Сибирякова, О. В. Старкова, В. А. Уткина, В. Д. Филимонова и др.).

Значителен вклад в криминологические исследования проблем преступности последнего времени ученых Московской юридической академии (МГЮА) докторов юридических наук, профессоров Г. В. Дашкова, И. М. Мацкевича, В. Д. Эминова. Ранее там работал профессор П. И. Гришаев.

Криминологические исследования активно развиваются преподавателями и научными сотрудниками институтов, академий, аппаратов правоохранительных органов профессорами В. А. Аванесовым, А. Я. Гришко, Ю. Н. Демидовым, С. В. Дьяковым, С. Я. Лебедевым, В. С. Овчинским, И.Ю. Сундиевым и др.

Возрождение криминологии в СССР повлекло подготовку через институты аспирантуры и соискательства высококвалифицированных профессиональных криминологов, проведение масштабных криминологических исследований, наращивание числа публикаций и диссертаций, в которых с криминологических позиций анализируются преступность как сложное социальное явление и связанные с ней проблемы.

Появилось немало новых и свежих подходов; в целом опубликованные материалы давали широкое представление о преступности в России, причинах ее изменений, просчетах и достижениях в борьбе с ней.

Расширенное заседание координационного бюро по криминологии (г. Харьков, 11–12 ноября 1983 г.)

Конкретные исследования на объектах и в регионах строились на солидной теоретической, методологической и методической базах с подготовкой программ исследования. Практические разработки не подменяли фундаментальные исследования, а, наоборот, базировались на результатах последних.

Вокруг коллектива Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности объединялись ученые разного возраста из различных регионов и учреждений. На его базе функционировало Всесоюзное координационное бюро по криминологии, объединявшее криминологов, специалистов по уголовному праву, уголовному процессу из разных союзных республик СССР. Расширенные заседания бюро проводились не только в Москве (РСФСР), но и в других союзных республиках (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Латвия, Украина, Туркмения и др.). В них участвовали видные ученые и практические работники из разных регионов страны.

Последнее расширенное заседание координационного бюро по криминологии проводилось 12 сентября 1991 г. в Алма-Ате, а 13 сентября участники заседания провели учредительное собрание Криминологической ассоциации (далее: Ассоциация), вполне осознавая, что СССР как государство распадается, но сохранится общее криминальное пространство, на которое следует реагировать системно и скоординированно.

Впоследствии Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности был преобразован в Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. На рубеже веков данный институт фактически рассматривался как своеобразное методическое управление органов прокуратуры. В 2007 г. он был реорганизован и прекратил свое существование как самостоятельное научно-исследовательское учреждение НИИ в системе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, и вошел в состав НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации без самостоятельных финансирования и кадровой политики.

Криминологическая ассоциация образовалась в условиях распада СССР и была зарегистрирована как Общероссийская общественная организация. Учредителями Ассоциации стали 23 человека, в том числе 11 докторов юридических наук, профессоров:

1. Аргунова Юлия Николаевна.
2. Алексеев Анатолий Иванович.

3. Бодерскова Надежда Николаевна.
4. Васильев Александр Федорович.
5. Долгова Азалия Ивановна.
6. Доломанов Михаил Сергеевич.
7. Есипов Владимир Михайлович.
8. Емельянов Анатолий Сергеевич.
9. Егоров Николай Борисович.
10. Ильин Олег Серафимович.
11. Качев Николай Валентинович.
12. Лунеев Виктор Васильевич.
13. Милюков Сергей Федорович.
14. Мурашов Владимир Павлович.
15. Номоконов Виталий Анатольевич.
16. Пахомов Валерий Дмитриевич.
17. Пипия Александр Георгиевич.
18. Сибиряков Сергей Львович.
19. Старков Олег Викторович.
20. Устинов Валерий Семенович.
21. Шестаков Дмитрий Анатольевич.
22. Юлин Борис Афанасьевич.
23. Хабалов Владимир Ильич.

В настоящее время членами Ассоциации являются более 1 180 человек. Членство в Ассоциации только индивидуальное. Основными целями Ассоциации, как записано в Уставе, являются: всестороннее развитие криминологического и иного знания о борьбе с преступностью, их распространение и практическое использование в интересах защиты прав человека, общественных и государственных интересов от преступных посягательств, научно обоснованного, законного, справедливого и гуманного решения проблем борьбы с преступностью.

Ассоциация объединяет криминологов и других специалистов в области борьбы с преступностью, причем высокопрофессиональных специалистов, среди них научные и практические работники. В ней состоят более 50 докторов наук, профессоров, руководящие работники правоохранительных органов, судьи. Ее членами были ушедшие из жизни академик В. Н.

Кудрявцев, профессора И. И. Карпец, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский А.Я Сухарев и другие известные криминологи.

Региональные отделения Ассоциации работают более чем в половине субъектов Российской Федерации, имеются члены Ассоциации и в других регионах.

Одной из основных задач создания Ассоциации была и остается консолидация усилий разных специалистов в сфере профессиональной антикриминальной деятельности. Проведение исследований, подготовка криминологических заключений на законопроекты и другие документы, совместное обсуждение проблемных вопросов с регулярным проведением международных, общероссийских, региональных форумов с дискуссиями, отражением их результатов в публикациях, интернет-источниках, рекомендациях, обращениях, использование новой информации в учебной и научной работе, повышение профессионализма – вот то, чему придавалось и придается членами Ассоциации большое значение.

Тридцатилетний опыт существования Ассоциации показал, насколько значима такая работа. Фактически в настоящих условиях она является важным и практически единственным средством повышения квалификации криминологов и расширения кругозора всех тех специалистов, которые заняты в сфере борьбы с преступностью, независимо от того, научные ли это работники, преподаватели, или практические работники. В рядах Ассоциации состоят все эти категории специалистов, между ними устанавливаются творческие связи, происходит обмен информацией.

В Уставе Ассоциации говорится о самоуправляемости Ассоциации, базировании ее деятельности на принципах самоуправления, демократии, коллегиальности, гласности, учета мнений членов Ассоциации, добровольности, равноправия и законности.

Ассоциация фактически организует работу на основе самоуправляемости, коллегиальности, гласности и независимости от каких-либо «спонсоров». Источники финансирования деятельности Ассоциации – членские взносы и средства, получаемые от издательской деятельности. Причем издаются только научные труды членов Ассоциации.

В значительной мере именно публикации Ассоциации за счет средств криминологов оперативно освещают результаты научно-исследовательской деятельности ученых разных регионов, вузов и научных учреждений. Публикации, вышедшие в издательстве Ассоциации, отражают личные позиции авторов, причем исключительно в их редакции.

Редколлегия озабочена лишь исключением общих «дежурных» положений. Как правило, авторы изданий с них начинают первые абзацы, а затем уже следует содержательное изложение заявленной темы. Не принимаются статьи с юридическими ошибками. В целом же проблем с качеством представляемых материалов нет – уровень квалификации членов Ассоциации высокий, как и уровень их ответственности.

Работы членов Ассоциации публикуются также в издательстве «Норма. Инфра-М». Изданы: учебник для вузов «Криминология», выдержавший 4 издания и переведенный на китайский язык, в котором впервые сделан акцент на подготовке криминологов-исследователей, криминологов-практиков; «Российская криминологическая энциклопедия»; курс наук криминального цикла – 7 учебников (Долгова А. И. Криминология; Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Лунеев В. В., Никулин С. И. Уголовное право; Башкатов Л. Н., Ветрова Г. Н., Доценко А. Д., Зажицкий В. И., Шестаков В. И. Уголовный процесс; Зубков А. И. Уголовно-исполнительное право; Чувилов А. А. Оперативно-розыскное право; Яблоков Н. П. Криминалистика; Шумилов А. Ю. Частное детективное и охранное право).

Члены Ассоциации активно участвовали в разработке проектов федеральных законов «Об оружии», «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», «О противодействии отмыванию (легализации) преступных доходов», «О борьбе с терроризмом», новой редакции закона «О частной детективной, охранной деятельности»; давали криминологические заключения на проекты Уголовного, Земельного, Лесного Уголовно-процессуального кодексов и ряда иных федеральных законов, в том числе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации»).

Ассоциация организует работу в тесном взаимодействии с государственными и негосударственными органами, общественными объединениями. По приглашению руководителей Государственной Думы, Совета Федерации, а также их комитетов президент, вице-президенты и члены Ассоциации участвуют в обсуждении проблем преступности на парламентских слушаниях, в рамках заседания круглых столов. Стенограммы соответствующих заседаний размещаются на сайте Ассоциации.

Члены Ассоциации благодарны Университету прокуратуры Российской Федерации и ректору профессору О. С. Капинус за оказываемую поддержку и сотрудничество в организации всех без исключения научных форумов. В организации форумов также принимал участие ВНИИ МВД Рос-

сии. Неоценима помощь начальника ВНИИ МВД России профессора С. И. Гирько и его заместителя А. Л. Ситковского в организации не только ряда конференций, но и юбилейного заседания, посвященного 50-летию возрождения криминологии в стране (2013 г.).

Тесные связи традиционно поддерживаются с Международным союзом юристов и его председателем А. А. Требковым, с Санкт-Петербургским криминологическим клубом во главе с профессором Д. А. Шестаковым, одним из учредителей Российской криминологической ассоциации, с Союзом криминалистов и криминологов, другими организациями.

Распоряжением Президента Республики Саха – Якутия В. А. Штырова Всероссийская научно-практическая конференция «Криминологические и правовые проблемы борьбы с криминальным насилием» была включена в перечень республиканских мероприятий 2004 г. благодаря активной позиции председателя Якутского отделения Ассоциации В. В. Ивановой.

В этой конференции приняли участие представители президента, правительства, министерств, сотрудники правоохранительных органов, наркологи, педагоги и другие специалисты.

Участники Якутской конференции на берегу реки Лена

Всероссийская научно-практическая конференция «Изменения криминальной ситуации, их причины и влияние на них организованной преступности» (2009 г.) прошла в Костроме при поддержке и личном участии в работе конференции губернатора Костромской области И. Н. Слюняева. И в этом случае важную роль сыграли авторитет и энергия председателя Костромского отделения Ассоциации А. С. Евстегнеева.

Участники конференции «Изменения криминальной ситуации, их причины и влияние на них организованной преступности» (г. Кострома, 2009 г.)

Благодаря усилиям членов Ассоциации организовывались и проводились научные форумы в других субъектах Российской Федерации. Трудно переоценить вклад руководства и сотрудников Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний – они участвовали в организации и проведении двух юбилейных конференций Ассоциации, посвященных ее 10- и 15-летию.

10 лет Российской криминологической ассоциации (г. Суздаль, 2001 г.)

Вице-президент Ассоциации по Центральному федеральному округу доктор юридических наук, профессор В. В. Меркурьев и члены Владимирского регионального отделения вложили в это много труда и души.

15 лет Российской криминологической ассоциации (г. Суздаль, 2006 г.)

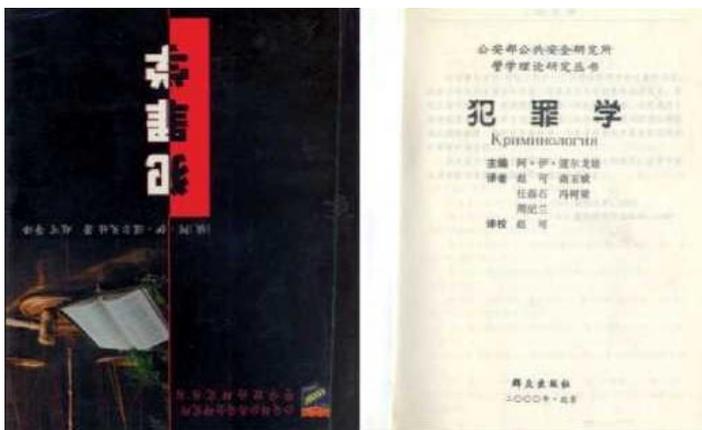
Под эгидой губернатора Алтайского края А. Б. Карлина и при активном участии заместителя председателя краевого законодательного собрания С. В. Землюкова председателем Алтайского отделения Ассоциации А.А. Сергеевой в Барнауле была организована Всероссийская научно-практическая конференция «Общуголовная преступность: состояние, причины и стратегия борьбы» (2010 г.).

Фото с работы конференции «Общуголовная преступность: состояние, причины и стратегия борьбы» (Барнаул, 2010 г.)

Международные связи Ассоциации развиваются, например, с Китаем они носят многоаспектный характер. В КНР переведены, изданы учебники по криминологии, ряд китайских криминологов и других юристов из КНР приезжали в Россию по приглашению Ассоциации.

Ассоциация поддерживает тесные связи с казахскими коллегами, которые принимают участие в проводимых в России конференциях, а также приглашают на научные форумы в Казахстан. Именно в Алма-Ате 13 сентября 1991 г. было принято решение о создании Криминологической ассоциации.

Одна из последних международных конференций «Правовая и криминологическая культура в механизме противодействия преступности» была организована совместно с украинскими коллегами в Одессе в 2012 г.

Ее организаторами от Украины выступили Национальный университет «Одесская юридическая академия», Координационное бюро по крими-

нологии Национальной академии правовых наук Украины, Южный региональный центр Национальной академии правовых наук Украины, от России – Российская криминологическая ассоциация.

Фото с работы международной конференции «Правовая и криминологическая культура в механизме противодействия преступности» (г. Одесса, 2012 г.)

Слева направо: ректор Одесской юридической академии академик С. В. Кивалов, президент Российской криминологической ассоциации профессор А. И. Долгова, профессор В. Н. Дремин, президент Криминологической ассоциации Республики Молдова профессор В. Г. Бужор, президент Криминологической ассоциации Украины академик А. М. Бандурка

Конференция проводилась на базе Одесской юридической академии. В ее работе приняли участие Юрий Диденко, консул Генерального кон-

сульства Российской Федерации в Одессе, президент Криминологической ассоциации Украины академик А.М. Бандурка и президент Криминологической ассоциации Республики Молдова профессор В. Г. Бужор. Выдающуюся роль в организации конференции сыграли академик С. В. Кивалов, профессора В. Н. Дремин и В. А. Туляков.

Выводы и рекомендации, принятые участниками одесской конференции в 2012 г., были поддержаны участниками Международной научно-практической конференции в Казани (октябрь 2013 г.), проводившейся на базе Казанского юридического института МВД России.

Участники конференции в Казани (г. Казань, 2013 г.)

Нельзя не отметить огромную работу вице-президентов Ассоциации. Прежде всего, первого вице-президента кандидата юридических наук, доцента Пахомова Валерия Дмитриевича, много сделавшего в период становления Ассоциации.

С расширением рядов Ассоциации число вице-президентов увеличилось до девяти:

профессор Варыгин Александр Николаевич – вице-президент по Приволжскому федеральному округу;

профессор Зацепин Михаил Николаевич – вице-президент по Уральскому федеральному округу;

профессор Клейменов Михаил Петрович – вице-президент по Сибирскому федеральному округу;

профессор Мелешко Николай Петрович – вице-президент по Южному федеральному округу;

профессор Меркурьев Виктор Викторович – вице-президент по Центральному федеральному округу;

профессор Номоконов Виталий Анатольевич – вице-президент по Дальневосточному федеральному округу;

профессор Смыслов Борис Анатольевич – вице-президент по Северо-Западному федеральному округу;

профессор Щербакова Людмила Михайловна – вице-президент по Северо-Кавказскому федеральному округу;

доцент Марущенко Владимир Владимирович – вице-президент по организационным вопросам.

Вице-президенты, другие члены правления Ассоциации – не только известные ученые, авторы многих книг, люди, воспитавшие целые плеяды талантливых и высокопрофессиональных учеников, яркие и интересные докладчики, но также люди, не пренебрегающие обыденной организаторской работой.

С большим уважением члены Ассоциации относятся к людям, внесшим большой вклад в становление и работу Ассоциации – нашим почетным вице-президентам профессорам Горшенкову Геннадию Николаевичу и ушедшему из жизни Старкову Олегу Викторовичу.

Активно работают члены правления и исполнительного комитета. Большая работа ложится на плечи секретариата Ассоциации: бывших ответственных секретарей – кандидата юридических наук В. П. Мурашова, ушедшего из жизни кандидата юридических наук С. В. Ванюшкина, В. В. Астанина, впоследствии защитившего докторскую диссертацию, и ныне действующих – А.С. Васнецовой, Д. А. Соколова и М.В. Ульянова, а также главного бухгалтера О. А. Астафьевой.

Председатели региональных отделений – опора Ассоциации на местах. Именно благодаря им были организованы всероссийские конференции во всех федеральных округах, а сейчас идет новый этап подготовки научных форумов.

*Президент и вице-президенты
Российской криминологической ассоциации в действии*

А. И. Долгова, проф.

*М. П. Клейменов,
проф.*

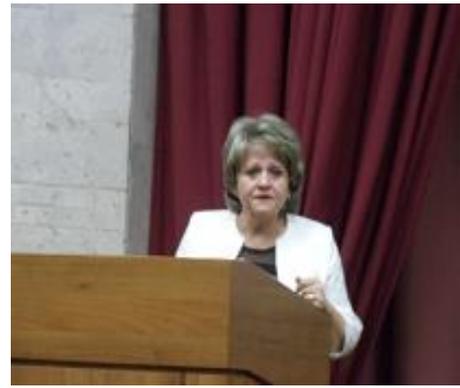
*В. А. Номоконов,
проф.*

М. Н. Зацепин, проф.

Б. А. Смыслов, проф. и В. В. Меркурьев, проф.

Л. М. Щербакова, проф.

А. Н. Варыгин, проф.

Н. П. Мелешко, проф.

В. В. Маруценко, доцент

Почетные вице-президенты

Г. Н. Горшенков, проф.

О. В. Старков, проф.

Члены Ассоциации большое значение придают связям с социологами и экономистами, психологами и иными специалистами, а также участию в проводимых ими и совместно с ними симпозиумах и иных мероприятиях.

К сожалению, в общем широком потоке криминологических публикаций и диссертаций стали все чаще встречаться труды, авторы которых, судя по тексту, полагают, будто любой анализ того или иного современного проявления преступности, особенно если последнее будоражит умы общественности, – это и есть криминологическое исследование.

При таком подходе можно было бы ставить знак равенства между документами аналитических и методических подразделений правоохранительных органов, журналистскими аналитическими обзорами, философскими, социологическими, политическими, психологическими суждениями и научными криминологическими работами.

Исследование криминолога должно отвечать следующим двум основным требованиям:

а) научность в широком смысле этого слова;

б) соответствие методологическим, теоретическим постулатам криминологии, базирующимся на изучении закономерностей преступности, ее детерминации и реагировании на принимаемые меры.

Именно исследованиям уделяется много внимания со стороны крупнейших ученых и криминологов-практиков как в России, так и за рубежом. Что стоят рассуждения об океане без участия океанологов, опускающихся в его глубины? Соответственно, невысока для организации борьбы с преступностью в конкретных условиях места и времени цена рассуждений о преступности без анализа статистических данных о преступности в сопоставлении с получаемой по другим каналам информации, без изучения конкретных уголовных дел, иных материалов о преступлениях, преступниках, причинах и условиях, без интервью с лицами, совершающими преступления, потерпевшими, сотрудниками правоохранительных органов и т. п. без анкетных опросов осужденных, разных социальных групп граждан, наблюдения за реальной правоохранительной деятельностью и др.

Развитие криминологии и криминологической культуры реагирования на преступность требует фундаментальной специальной подготовки всех будущих юристов и прежде всего в плане привития им знаний и навыков для решения практических задач. Важно введение в правоохранительных органах должностей практикующих криминологов, которые бы, например, оказывали помощь в изучении механизмов преступного поведения, личности преступника, причин и условий, помогали реагировать на последние. Многие зарубежные коллеги в этом отношении ушли далеко вперед.

Развитие криминологии недостижимо без научно-исследовательского учреждения, ориентированного на разработку фундаментальных и прикладных проблем всех наук антикриминального цикла. Воссоздание такого учреждения станет новым этапом развития криминологии и возрождения ее значимости как учебной дисциплины и науки, с выводами которой надлежит считаться в борьбе с преступностью.

Члены Ассоциации многое делают в этом направлении, но, разумеется, в пределах возможного. В частности, принимались обращения к руководителям государства и УМО о введении криминологии в число обязательных для изучения будущими юристами дисциплин, о создании системы использования криминологических знаний в практической деятельности (размещены на сайте Ассоциации). Соответствующим вопросам в 2011 г. была посвящена специальная Всероссийская научно-практическая конференция, материалы которой опубликованы в книге «Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью» (М., 2011). Данные вопросы были предметом обсуждения и на других конференциях.

Общая организация борьбы с преступностью, как уже отмечалось, включает информационно-аналитическую работу, прогностическую, разработку стратегии, тактики, целевых программ. Однако эту работу криминологи должны выполнять вместе с другими специалистами, а также обязательно в сотрудничестве с практическими работниками, причем не только правоохранительных органов.

В 1960-х гг. профессор А. Д. Берензон употребил выражение: «Криминолог подобен метеорологу, который предсказывает погоду, но не указывает, что брать: плащ или зонтик». Данное утверждение может казаться парадоксальным, но если вдуматься, то принятие конкретных мер реагирования на преступность зависит от многих обстоятельств, в том числе фактического финансирования, кадрового, организационного, информационного и иного обеспечения. Криминолог имеет дело с реальной преступностью, им разрабатываются меры борьбы не на все времена – они должны быть реализуемыми в конкретных исторических условиях.

В заключение еще раз подчеркнем: развитие криминологии недостижимо без научно-исследовательского учреждения, ориентированного на разработку фундаментальных и прикладных проблем всех наук антикриминального цикла. Только в содружестве представителей всех данных наук могут быть получены удовлетворительные результаты, важные для успехов в борьбе с преступностью.

УДК 343.97

О. А. Евланова,

заведующий отделом научного обеспечения

предупреждения преступности

НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

кандидат юридических наук

Н. В. Павловская,

ведущий научный сотрудник отдела

научного обеспечения предупреждения преступности

НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

кандидат юридических наук

О тенденциях развития криминогенной ситуации в Российской Федерации

Аннотация. Исследуются тенденции развития криминогенной обстановки в Российской Федерации. Авторами на основе анализа статистических данных преступности в РФ, а также проведенного в Университете прокуратуры Российской Федерации опроса экспертов – прокурорских работников – представлены негативные оценки состояния и динамики преступности в 2021 г. Результаты проводимых исследований позволяют считать обоснованным негативный прогноз дальнейшего развития криминогенной ситуации – рост количества регистрируемых преступлений. В частности, отмечается, что практически во всех регионах рост регистрируемой преступности в последние годы происходит за счет резкого увеличения количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Обращено внимание на то, что тенденции к уменьшению количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, наблюдаемые в последние годы, свидетельствуют о снижении активности правоохранительных органов по борьбе с данным видом преступности, а не о реальном сокращении ее масштабов.

Ключевые слова: криминогенная обстановка, преступление, уголовный закон, правоохранительные органы, прокуратура, эксперт, исследование, анализ, респондент, борьба с преступностью.

Основной тенденцией развития криминогенной обстановки в Российской Федерации в 2020 г. и в первые четыре месяца 2021 г. является ее дальнейшее ухудшение¹.

По результатам исследования, проведенного в январе 2021 г. в Университете прокуратуры Российской Федерации, большинство опрошенных экспертов – прокурорских работников негативно оценили состояние и динамику преступности в 2020 г. Более половины (55 %) респондентов считают, что уровень преступности в России повысился, в том числе 14 % отмечают, что повысился существенно, еще четверть указывает на отсутствие положительных изменений (25,4 %). По мнению 17,3 % опрошенных, уровень преступности незначительно снизился, и лишь 1,9 % говорит о существенном улучшении криминальной ситуации. С точки зрения респондентов, в первую очередь наибольшее влияние на состояние и динамику преступности в стране в течение прошлого года оказывали такие неблагоприятные социально-экономические криминогенные факторы, как снижение уровня доходов населения (63,5 %) и рост уровня безработицы (53,4 %). Около трети опрошенных отметили криминогенное влияние распространения коронавируса COVID-19, введения режима самоизоляции и иных связанных с ним ограничительных мер (31,5 %).

Среди менее значимых факторов, оказавших влияние на состояние и динамику преступности в 2020 г., респонденты назвали следующие:

- рост масштабов алкоголизации населения – 20,5 %;
- снижение уровня морали и нравственности в обществе – 17,1 %;
- снижение уровня социальной защищенности (социального обеспечения) населения – 16 %;
- повышение уровня коррупции – 11,6 %;
- рост масштабов правового нигилизма – 8,6 %;
- активная пропаганда насилия и преступного образа жизни в средствах массовой информации – 7,4 %;

¹ Если не указано иное, статистические данные приведены по форме федерального статистического наблюдения 494 (4-ЕГС) «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» в сравнении за 2019–2020 гг. и январь–апрель 2020–2021 гг.

- рост масштабов наркотизации – 7,4 %;
- снижение качества образования – 7,2 %;
- рост уровня неконтролируемой миграции, числа мигрантов из других государств – 5,5 %;
- снижение качества медицинских услуг, недоступность медицинской помощи – 2,5 %.

Результаты исследований, проводимых в Университете прокуратуры Российской Федерации¹, показывают, что в 2020 г. правоохранительным органам в непростых условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 в целом удалось сдержать резкий рост преступности. Тем не менее криминальная ситуация, складывавшаяся в стране на протяжении всего 2020 г., характеризовалась как сложная, имеющая тенденцию к дальнейшему ухудшению [9].

Так, согласно статистическим данным количество зарегистрированных преступлений увеличивалось ранее на протяжении почти всего 2019 г., за этот период прирост показателя составил 1,6 % по сравнению с 2018 г. В первые месяцы 2020 г., т. е. до введения противоэпидемических ограничений, вызванных распространением нового коронавируса COVID-19, количество зарегистрированных преступлений также продолжало расти, причем достаточно быстрыми темпами. В январе 2020 г. было зарегистрировано на 2,9 % больше преступлений, чем за тот же период 2019 г., в феврале – на 5,2 %, в марте – на 4,4 %. Затем в апреле – мае с введением общероссийских нерабочих дней произошло резкое снижение количества зарегистрированных преступлений (на 7,4 и на 5,6 % соответственно). С июня по ноябрь рост регистрируемой преступности возобновился (в декабре заметных изменений не наблюдалось, прирост составил 0,02 %). Тем не менее в целом за 2020 г. количество зарегистрированных преступлений увеличилось по сравнению с 2019 г. незначительно (всего на 1 % – с 2 024 337 до 2 044 221 преступления).

По итогам первых четырех месяцев текущего года криминогенная обстановка остается относительно стабильной, вместе с тем негативные тенденции прошлого года сохраняются. Так, по сравнению с январем – апрелем 2020 г. количество зарегистрированных преступлений возросло на 1,1 % и составило в январе – апреле 2021 г. 679,8 тыс. преступлений.

¹ В ходе исследования проведено анкетирование 638 экспертов из числа прокурорских работников в 17 субъектах Российской Федерации (январь 2021 г.).

Среди субъектов Российской Федерации наибольшие темпы прироста количества зарегистрированных преступлений в 2020 г., значительно превышающие общероссийский показатель, отмечались в г. Севастополе (+44,0 %), г. Санкт-Петербурге (+26,1 %), Ленинградской области (+12,8 %), Республике Алтай (+11,6 %), Костромской (+10,4 %), Калужской (+10,3 %), Псковской (+10,1 %) областях, Республике Карелия (+9,0 %), Липецкой области (+8,6 %) и Республике Татарстан (+8,1 %).

По итогам первых четырех месяцев текущего года наиболее интенсивный рост преступности зафиксирован в г. Санкт-Петербурге (+37,3 %), Чеченской Республике (+26 %), Республике Тыва (+23,9 %), г. Севастополе (+18,3 %), республиках Ингушетия (+18,2 %) и Адыгея (+16,9 %), Тульской области (+15,9 %), республиках Северная Осетия – Алания (+11,7 %) и Алтай (+11,1 %), Ленинградской области (+10,7 %).

Как видно из приведенных данных, часть субъектов Российской Федерации присутствует в обоих перечнях, что свидетельствует о сохранении в данных регионах особо неблагоприятных криминогенных факторов, требующих специального анализа и учета при разработке дополнительных мер по борьбе с преступностью и ее предупреждению, в том числе в ходе реализации региональных программ, а также в координационной работе.

Два года подряд растет уровень преступности в России: с 1 355,9 преступлений на 100 тыс. населения в 2018 г. до 1 379,2 в 2019 г. и до 1 393 в 2020 г. В прошлом году, как и годом ранее, самый высокий уровень преступности отмечался в Республике Тыва (2 610,4). Кроме того, свыше 2 тыс. преступлений на 100 тыс. населения зарегистрировано в Еврейской автономной области (2 332,8), Амурской области (2 331,8), республиках Карелия (2 190,2) и Алтай (2 162,3), Забайкальском крае (2 142,4), республиках Коми (2 096,8), Бурятия (2 093,3) и Хакасия (2 028,8). В январе–апреле текущего года зафиксировано 463,2 преступлений на 100 тыс. населения, что также больше, чем в первые четыре месяца 2020 г. (458,1).

В числе негативных тенденций криминальной обстановки следует отметить увеличение в общей структуре регистрируемой преступности доли наиболее общественно опасных деяний – тяжких и особо тяжких преступлений.

Так, в 2020 г. их зарегистрировано на 14 % больше, чем в 2019 г. (494 092 против 563 204). Увеличился их общий удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений с 24,4 % в 2019 г. до 27,6 % в 2020 г. Причем для тяжких преступлений данная тенденция продолжается

третий год подряд, и темпы прироста возрастают (с 323 591 в 2017 г. до 335 973 в 2018 г., или на 3,8 %, затем до 389 373 в 2019 г., или на 15,9 %, и до 453 356 в 2020 г., или 16,4 %). За первые четыре месяца 2021 г. общее количество тяжких и особо тяжких посягательств также возросло на 8,7 %, а их удельный вес увеличился до 30 % (204,1 тыс.).

По итогам 2020 г. отмечается дальнейшее ухудшение и некоторых других качественных характеристик преступности. Так, продолжилась тенденция к увеличению количества преступлений, совершенных в составе организованных групп. Если в 2018 г. было зарегистрировано 13 744 (+13,3 %) преступления, совершенных организованной группой, в 2019 г. – 14 647 (+6,6 %), в 2020 г. они составили 15 382 (+5 %), то за четыре месяца 2021 г. было зарегистрировано 7 874 преступления данной категории (+8,3 %). Кроме того, существенно возросло количество преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией), – на 42,7 % (с 1 643 до 2 345), тогда как в 2019 г. количество таких преступлений сокращалось (на 12,8 % в сравнении с 2018 г.). В целом количество предварительно расследованных преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, возросло с 16 290 в 2019 г. до 17 727 в 2020 г., или на 8,8 %, а удельный вес данного вида преступности в общем количестве предварительно расследованных преступлений увеличился с 1,5 до 1,7 %. Данная тенденция продолжается в текущем году: по сравнению с январем – апрелем 2020 г. данный показатель увеличился на 7,8 %, а удельный вес составляет уже 2,4 %.

По данным Глобальной инициативы против транснациональной организованной преступности (GI-TOC) [12], несмотря на то, что в период пандемии COVID-19 некоторые виды организованной преступности были ограничены мерами социального дистанцирования и ограничениями на поездки, другие, напротив, быстро адаптировались к новым условиям и расширили свою деятельность. В первую очередь киберпреступность быстро превратилась в зону риска, которая может иметь долгосрочные последствия для роста преступных рынков.

Практически во всех регионах рост регистрируемой преступности в последние годы происходит за счет резкого увеличения количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Так, по сравнению с 2019 г. их количество возросло в 1,7 раза (с 294 409 до 510 396, или на 73,4 %), а за последние 6 лет – более чем в 11 раз (с 43 816 в 2015 г.). Удельный вес преступлений данного вида в 2020 г. составил 25 % от всех зарегистрированных преступлений. За январь – апрель 2021 г. на них приходится уже более четверти регистрируемых преступлений (27,2 %, 184,9 тыс.), хотя темпы их прироста немного замедлились, но по-прежнему остаются значительными (+31,5 %).

Результаты проведенного исследования показывают, что в отличие от многих других видов преступности высокие темпы прироста для указанных преступлений сохранялись на протяжении всего прошлого года вне зависимости от режима самоизоляции и ограничительных мер, вызванных COVID-19. Почти половина преступлений данного вида приходится на тяжкие преступления (222 815, или 43,7 %); чуть меньше преступлений средней тяжести (160 823, или 31,5 %); далее следуют преступления небольшой тяжести (81 960, или 16,1 %) и особо тяжкие преступления (44 798, или 8,8 %).

Более половины таких преступлений совершаются с использованием сети «Интернет» (300 337, или 58,8 %). Значительное количество преступлений связано с применением средств мобильной связи (218 739, или 42,9 %). С применением расчетных (пластиковых) карт совершено 190 167 преступлений (37,3 %), особо следует отметить резкий рост данных преступлений (в 5,5 раза) относительно 2019 г. (34 383). С применением компьютерной техники совершено 28 653 преступления, или 5,6 %, программных средств – 10 050, или 2 %, фиктивных электронных платежей – 1 374, или 0,3 %.

Среди преступлений рассматриваемого вида за прошлый год существенно возросло количество краж (ст. 158 УК РФ) – с 98 798 в 2019 г. до 173 416 в 2020 г., или на 75,5 %. Соответственно их удельный вес увеличился до 34 % от общего количества зарегистрированных преступлений в данной сфере. При этом, несмотря на увеличение количества зарегистрированных мошенничеств (ст. 159 УК РФ) – с 119 903 до 210 493, или на 75,6 %, их удельный вес остался практически без изменений и составил 41,2 %. Почти в два раза возросло количество преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ (с 24 677 в 2019 г. до 47 060 в 2020 г., или на 90,7 %), а их удельный вес составил 9,2 % от всех преступлений, совершенных с использованием подобных технологий (в 2019 г. – 8,4 %).

Тем не менее, несмотря на принимаемые правоохранительными органами усилия, раскрываемость преступлений данного вида остается крайне низкой. В 2018 г. она составляла 26,6 %, в 2019 г. – 24 %, а в прошлом году снизилась до 20 %. Как и в предшествующие периоды, уголовные дела о большинстве зарегистрированных преступлений, совершенных в рассматриваемой сфере, были приостановлены по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в 2020 г. – 379 830 преступлений, или 74,4 %).

В связи с указанными проблемами в 2020 г. состоялось заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу «О состоянии работы правоохранительных и контролирующих органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, включая критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» [2].

По его результатам были приняты решения о необходимости кардинального изменения подходов к организации оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования преступлений данного вида. Учитывая специфику их выявления, стремительное распространение криминального использования виртуальных активов, компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру государства, необходимо внедрять специализацию сотрудников, осуществлять их профессиональный отбор, добиваться устойчивого повышения раскрываемости преступлений.

Тенденция к снижению количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, наблюдаемые в последние годы, свидетельствуют об ослаблении активности правоохранительных органов по борьбе с данным видом преступности, а не о реальном сокращении ее масштабов.

В 2020 г. количество зарегистрированных преступлений данного вида практически не изменилось (189 905 зарегистрированных преступлений против 190 197 в 2019 г., или всего на 0,2 % меньше), а за первые четыре месяца текущего года сократилось на 1,5 % по сравнению с январем – апрелем 2020 г. В общем количестве зарегистрированных преступлений данный вид преступности по-прежнему составляет примерно десятую часть (9,3 % в 2020 г., 9,4 % в 2019 г.).

Вместе с тем, согласно принятой в конце прошлого года Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, действие которой рассчитано на период до 2030 г. [11], несмотря на стабилизацию в последние годы наркоситуации в стране в целом, в большинстве регионов Российской Федерации она остается по-прежнему напряженной.

В структуре регистрируемой наркопреступности почти треть (36,5 %) составляют деяния, совершенные без цели сбыта, ответственность за которые предусмотрена ст. 228 УК РФ. Поскольку правоохранительные органы ориентированы в первую очередь на борьбу со сбытом наркотиков, удельный вес преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 228¹ УК РФ, в структуре преступности данного вида увеличивается с каждым годом. Так, в 2018 г. он составлял 56,7 %, в 2019 г. – 59,6 %, в 2020 г. – 59,6 %. В сумме указанные деяния составляют 96,1 % от всех регистрируемых преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. На все иные виды преступлений, включая нарушения правил оборота наркотиков, их хищения и контрабанду, приходится менее 3 %.

В последние годы все более широко используются для распространения наркотиков современные возможности информационно-телекоммуникационных технологий. Так, за прошлый год количество совершенных таким способом преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ, увеличилось почти в два раза (с 24 677 до 47 060, или на 90,7 %). Теперь это почти половина (41,6 %) от всех случаев сбыта наркотиков (113 193), тогда как годом ранее на этот способ приходилась только пятая часть (21,8 % от 113 303).

По оценкам Государственного антинаркотического комитета (далее: ГАК), данные тенденции объясняются в первую очередь развитием современных технологий, постоянным ростом аудитории интернет-пользователей, при этом прогнозируется дальнейшее расширение использования информационных ресурсов в целях организации сбыта запрещенных и подконтрольных веществ, для пропаганды и рекламы наркотиков [3]. В целях повышения эффективности борьбы с данным видом преступности к концу 2020 г. в каждом регионе России были созданы и укомплектованы специализированные подразделения органов внутренних дел по борьбе с распространением наркотиков в Интернете [1]. В начале текущего года Государственная Дума в третьем чтении одобрила законопроект

№ 986128-7 «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления ответственности за склонение к потреблению наркотических средств в сети «Интернет»)» [6].

Тем не менее некоторые проблемы, связанные с расследованием преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ, сохраняются. Так, остается высоким удельный вес преступлений, уголовные дела о которых приостановлены (в 2020 г. – это 65,9 %), а также достаточно низкая раскрываемость таких деяний (если в целом по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, она составляет в 2020 г. 55,8 %, то по преступлениям, предусмотренным ст. 228¹ УК РФ, – 29,4 %).

Отчасти это является следствием широкого распространения практики возбуждения уголовных дел на так называемых неустановленных сбытчиков. Необходимо отметить, что в прошлом году данная проблема привлекла к себе достаточно много внимания государственных органов и институтов гражданского общества. Государственной Думой был принят, но позднее отклонен Советом Федерации, законопроект № 916965-7 «О внесении изменения в статью 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в апреле этого года проект окончательно принят и опубликован [7]. Отмечая неэффективность сложившейся практики возбуждения уголовных дел по ст. 228¹ УК РФ в отношении неустановленных сбытчиков наркотиков, законопроект предусматривал запрет на их возбуждение при отсутствии данных о виде, массе и наименовании наркотика, а также о времени, месте и обстоятельствах его передачи другим лицам.

Целями подобных изменений считались усиление требовательности к правоохранительным органам в части проведения целенаправленной эффективной работы по противодействию незаконному обороту наркотиков, а также снижение коррупциогенных рисков, связанных с возбуждением данной категории уголовных дел. Отмечалось, что их реализация будет позитивно воспринята гражданским обществом как действие, направленное на укрепление законности в работе правоохранительных органов.

Тем не менее следует отметить, что одним из возможных последствий подобных нововведений может стать искусственное снижение в текущем году количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ, способное серьезно исказить общую статистическую картину наркопреступности, создать ложные представления об улучшении наркоситуации в стране. Так, по сравнению с январем – апрелем 2020 г.

количество выявленных фактов сбыта в текущем году уже сократилось на 4 %.

В опубликованном докладе ГАК о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 г. [3] обоснованно прогнозировалось возможное влияние на незаконный оборот наркотиков нового фактора, возникшего в прошлом году не только в России, но во всем мире, – это распространение вируса COVID-19 и обусловленные потребностями борьбы с ним ограничения. В России, как и во многих других странах, в 2020 г. вводился режим самоизоляции, расширялись сферы применения дистанционного режима работы, закрывались различные предприятия и организации, существенно ограничивались зарубежные контакты, прекращалось международное транспортное сообщение. ГАК ожидалось, что в таких условиях наркоторговцами будет фактически утрачена возможность поставки наркотиков на освоенные рынки сбыта по отработанным каналам, что в ближайшей перспективе может привести к росту «розничных» цен на запрещенные вещества и некоторому снижению спроса на них со стороны наркопотребителей. Это также обуславливает риск увеличения количества общеуголовных преступлений насильственного характера, совершаемых в целях добывания денежных средств лицами, употребляющими наркотики на постоянной основе. Однако анализ статистических данных показывает, что количество предварительно расследованных преступлений, совершенных с целью приобретения (получения) наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ, прекурсоров практически не изменилось, даже немного снизилось (на 1 % с 594 в 2019 г. до 588 в 2020 г.)¹. Хотя прогнозные ожидания по поводу контрабанды по итогам 2020 г. оправдались. Так, в России отмечается существенное снижение количества выявленных фактов контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов (ст. 229¹ УК РФ), данный показатель составил 362 преступления, что на 29 % ниже показателя 2019 г.

Аналогичные опасения высказывались и международными экспертами. Так, по данным Европола [14], пандемический кризис может изменить динамику спроса и предложения наркотиков и нарушить нелегальные каналы поставок, накопление определенных лекарств потребителями и нехватка снабжения прекурсорами и основными химическими веществами,

¹ Данные формы 455 (1-П) «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие».

используемыми при производстве лекарств в Евросоюзе, вероятно, повлияет на выпуск продукции и цены. Нехватка поставок в свою очередь может привести к увеличению числа случаев насилия в связи с наркотиками между конкурирующими поставщиками и дистрибьюторами.

Отмечается дальнейшее ослабление усилий правоохранительных органов по противодействию такому криминальному рынку, как незаконный оборот оружия.

В прошлом году было выявлено на 6,6 % меньше таких преступлений, чем в 2019 г. (24 792 и 26 557 соответственно). При этом их удельный вес в структуре преступности практически не изменился и составил 1,2 % (в 2019 г. – 1,3 %). Однако за первые четыре месяца 2021 г. данный показатель, напротив, незначительно увеличился (+3,3 %), возрос и удельный вес преступности данного вида (до 1,5 %).

Снижается количество преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств (с 5 571 в 2019 г. до 5 169 в 2020 г., или на 7,2 %). В текущем году тенденция сохранилась (–7,9 %). Тем не менее о просчетах противодействия вооруженной преступности и незаконному обороту оружия, а также о необходимости совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности в этой сфере свидетельствует недавний случай вооруженного нападения на школу в Республике Татарстан, в ходе которого были убиты и получили ранения не только несовершеннолетние ученики, но и взрослые сотрудники образовательной организации.

Согласно результатам исследования, проведенного в Университете прокуратуры Российской Федерации в 2020 г. [8]¹, большинство респондентов указали на латентность данного вида преступности. Так, 30 % опрошенных ответили, что правоохранительными органами выявляется 60 % таких преступлений; по мнению 25 %, выявляется меньше половины таких преступлений (около 40 %); 20,2 % экспертов отметили, что выявляется меньше 20 % совершаемых в данной сфере преступлений; 23,3 % опрошенных указали на рост в последние годы общественной опасности данного вида преступности.

Велика доля экспертов, считающих, что подобные преступления преимущественно носят организованный характер (38,9 %), а еще 10,4 % –

¹ В ходе исследования проведено анкетирование 897 экспертов из числа прокурорских работников.

что все преступления в данной сфере носят организованный характер. Оценивая качественные характеристики организованных групп (преступных сообществ), совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия, треть экспертов отметили, что такие группы (сообщества) сформированы по этническому принципу (34,6 %), примерно четверть – что они включают лиц, связанных с производством оружия (27,1 %) или имеют коррупционные связи (24,4 %). Еще 20,3 % считают, что такие группы (сообщества) включают лиц, имеющих доступ к складам и иным местам хранения оружия.

Кроме того, 37,7 % опрошенных указали на расширяющиеся межрегиональные связи преступников, занимающихся данным видом преступной деятельности, 29 % – на международные связи, 19,3 % – на транснациональный характер.

Среди основных факторов, способствующих совершению правонарушений и преступлений в сфере незаконного оборота оружия, эксперты в первую очередь указали на низкий уровень правового сознания и правовой культуры населения, выражающийся в толерантности в обществе к незаконному приобретению, ношению и хранению оружия (40,8 % респондентов); социально-экономические причины (низкие доходы населения, бедность, безработица, низкий уровень социального обеспечения отдельных категорий граждан и др.), способствующие актуализации потребности в совершении преступлений с использованием оружия (31 %); растущую востребованность оружия у организованных преступных формирований, в том числе террористических (28,8 %); широкое распространение коррупции в различных сферах общественной жизни (21,2 %) и недостатки в деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности в сфере незаконного оборота оружия (21,2 %).

Основной тенденцией общеуголовной преступности последних лет является снижение количества насильственных преступлений (обусловленное не реальными антикриминогенными факторами, а неудачными изменениями уголовного законодательства – декриминализацией семейных побоев) при все большем увеличении количества корыстных посягательств, в том числе совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Несмотря на снижение в 2020 г. количества зарегистрированных убийств и покушений на убийство (ст. 30, ст. 105–107 УК РФ) на 3,2 % (с 7 948 в 2019 г. до 7 695 в 2020 г.) и умышленного причинения тяжкого

вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) на 6,7 % (с 21 465 до 20 019 соответственно), удельный вес насильственных преступлений в целом в общей структуре преступности в России остается значительным¹. В 2020 г. он составил 8,1 % (в 2019 г. – 8,5 %, в 2018 г. – 9,2 %). На фоне снижения количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ, с 6 914 в 2019 г. до 5 716 в 2020 г. (на 17,3 %), значительно возросло количество побоев, нанесенных лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116¹ УК РФ), с 3 750 до 4 272 соответственно (на 13,9 %).

Интересно отметить, что динамика отдельных видов насильственных преступлений не была постоянной на протяжении всего года. Так, количество убийств и покушений на убийство снижалось в первые четыре месяца 2020 г., однако темпы снижения постепенно сокращались (–9,2 % в январе, –4,5 % в феврале, –0,9 % в марте, –0,1 % в апреле). Однако уже в мае количество таких преступлений возросло на 4,4 %, а в июне наблюдался резкий рост данного показателя на 19,9 %. В июле и августе темпы прироста замедлились (+2,4 и +1,6 % соответственно), а позднее вновь восстановилось снижение количества регистрируемых преступлений этого вида.

В первые четыре месяца текущего года количество преступлений против личности увеличилось на 5,2 %, в том числе на 4,3 % больше зарегистрировано случаев изнасилований и покушений на изнасилование, на 3 % – угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Одновременно число убийств и покушений на убийство сократилось на 1 %, а фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 13,4 %.

Тенденции динамики преступности данного вида, отмечавшиеся в прошлом году, также могут являться следствием режима самоизоляции и иных ограничительных мер, связанных с коронавирусом. Так, о серьезном увеличении масштабов домашнего насилия в условиях пандемии COVID-19 высказывались Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, Генеральный секретарь Совета Европы М. Пейчинович-Бурич и ряд других официальных лиц международных организаций [15].

По данным российских организаций по защите прав женщин, весной 2020 г. количество поступивших обращений за помощью в период строгой изоляции значительно возросло [5]. Несмотря на то, что большинство таких обращений были связаны с хроническими ситуациями домашнего

¹ Имеются в виду преступления, предусмотренные ст. 105–107, 111, 112, 115, 116, 116¹, 117, 119 УК РФ.

насилия, которое увеличилось с принятием карантинных мер, существуют и прецеденты, когда женщина сообщает о первом случае насилия, произошедшем в этот период.

Кроме того, необходимо отметить, что, по данным ведомственной статистической отчетности МВД России, в 2020 г. при общем снижении, в сравнении с 2019 г., количества преступлений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений¹ (с 31 942 до 28 832, или на 9,5 %), количество таких преступлений, совершенных в отношении женщин и несовершеннолетних, напротив, возросло (с 19 817 до 20 091, или на 1,4 %, и с 2237 до 2323, или на 3,8 %). При этом количество побоев, совершенных лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116¹ УК РФ), в указанной сфере возросло более чем на четверть (с 1 217 до 1 546, или на 27 %), а совершенных в отношении женщин – более чем на треть (с 865 до 1 183, или на 36,8 %). На 28,5 % увеличилось число таких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (с 376 до 483).

При снижении количества убийств (ст. 105 УК РФ), совершенных в сфере семейно-бытовых отношений (с 715 в 2019 г. до 682 в 2020 г., или на 4,6 %), количество таких преступлений в отношении женщин и несовершеннолетних, напротив, существенно возросло (с 243 до 276, или на 13,6 %, и с 22 до 39, или на 77,3 %).

В этой связи следует обратить внимание на весьма тревожные данные всероссийского исследования, проведенного в 2020 г. Аналитическим центром НАФИ [16], согласно которым почти треть (29 %) опрошенных разделяют точку зрения о том, что с женщиной что-то не так, если она подвергается насилию в семье. При этом мужчины в 1,5 раза чаще, чем женщины, соглашались с этим утверждением (38 и 21 % соответственно). Более четверти россиян (27 %) согласны с утверждением, что домашнее насилие должно расследоваться с послаблениями, а почти столько же считают домашнее насилие внутрисемейным делом, в которое не нужно вмешиваться вообще (25 %).

По сравнению с 2019 г., существенно возросло за прошедший год количество корыстных преступлений. Так, почти на треть увеличилось количество зарегистрированных фактов мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК РФ), с

¹ Данные формы 578 ГИАЦ МВД России «Отчет о профилактической работе органов внутренних дел» за 2019–2020 гг.

19 091 в 2019 г. до 24 323 в 2020 г., или на 27,4 %. В текущем году эта тенденция сохраняется (+15,1 %). Вместе с тем количество преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ, незначительно сократилось – с 774 159 до 751 243, или на 3 % (в текущем году –1,9 %).

В 2020 г. продолжалось снижение количества краж, сопряженных с незаконным проникновением в жилище (44 373, или – 22,1 %), каждая пятая из них явилась эпизодом преступной деятельности (8 997). Практически на треть (–32,3 %) меньше было совершено карманных краж (25 558). При этом существенно возросло количество краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) – с 93 718 в 2019 г. до 169 525 в 2020 г. (+80,9 %).

Следует отметить при этом, что в первые три месяца 2020 г. общее количество краж (ст. 158 УК РФ) росло (+3,1 % в январе, +7,5 % в феврале, +3,2 % в марте), а в апреле – мае тенденция резко сменилась на противоположную (–11,5 % в каждом из этих месяцев), затем с отменой режима самоизоляции и иных ограничений темпы снижения количества регистрируемых краж заметно сократились.

По сравнению с 2019 г., почти на треть возросло общее количество выявленных случаев мошенничества (ст. 159–159⁶ УК РФ) – на 30,5 % (с 257 187 в 2019 г. до 335 631 в 2020 г.), в текущем году прирост данного показателя составляет 13,1 %. Причем количество зарегистрированных мошенничеств в течение всего 2020 г. возрастало постоянно, хотя именно в период введения режима самоизоляции и других ограничительных мер темпы прироста данного вида преступлений были наиболее велики, а затем, после их отмены, постепенно снижались.

Доля краж и мошенничеств превысила половину от всех зарегистрированных в 2020 г. преступлений и составила 54,4 % (в 2019 г. – 51,9 %; в 2018 г. – 49,5 %). В текущем году – 51,6 %.

Несмотря на существенное снижение в сравнении с 2019 г. количества зарегистрированных в 2020 г. грабежей и разбоев (на 16,2 и на 21,7 % соответственно), корыстно-насильственные преступления¹ по-прежнему занимают заметное место в структуре преступности. При этом с учетом произошедшего увеличения количества зарегистрированных фактов вымогательства на 12,5 %, суммарный удельный вес корыстно-насильственных

¹ Грабежи (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ) и вымогательство (ст. 163 УК РФ).

преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений составил в 2020 г. 2,4 % (в 2019 г. – 2,9 %, в 2018 г. – 3,1 %).

Необходимо отметить, что все больше корыстных и даже корыстно-насильственных преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, удельный вес краж (ст. 158 УК РФ), совершенных таким способом, в прошлом году почти достиг четверти (увеличился с 12,8 % в 2019 г. до 23,1 % в 2020 г.); мошенничества (ст. 159 УК РФ) – превысил две трети (с 54,7 до 72,3 %); вымогательства (ст. 163 УК РФ) – достиг половины (с 38,8 до 52,1 %).

В текущем году данные тенденции сохраняются. Так, общий массив мошенничеств увеличивается во многом именно за счет деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Их число относительно сопоставимого периода предшествующего года возросло на четверть (до 80,2 тыс.), а удельный вес в структуре всех мошенничеств почти достиг 70 %.

Характерной тенденцией преступности последних лет является снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных в общественных местах, так называемой уличной преступности.

Так, количество преступлений данного вида сократилось с 690 013 в 2019 г. до 620 759 в 2020 г., или на 10 %, а преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах – с 404 625 до 364 457, или на 9,9 %, в том числе почти на четверть сократилось число грабежей и разбойных нападений (–24,8 и –23,3 % соответственно), краж – на 18,5 %.

При этом анализ сведений о динамике ежемесячного прироста количества таких преступлений также убедительно свидетельствует о значительном влиянии на данный вид преступности продолжительного периода самоизоляции и иных ограничений передвижения граждан, вызванных необходимостью борьбы с пандемией COVID-19. Если в первые три месяца 2020 г. темпы снижения данного показателя соответствовали тенденциям прошлых лет, то в апреле – мае они резко возросли (–20,2 и –19,9 % соответственно), затем, с постепенной отменой ограничений, они вновь замедлялись, а осенью, когда в России началась вторая волна эпидемии, вновь возросли. В текущем году снижение количества рассматриваемых преступлений продолжилось. Для преступлений, совершенных в общественных местах, оно составляет 6,7 % по сравнению с январем – апрелем 2020 г., а для уличных преступлений – 11,3 %.

Необходимо отметить, что снижение количества преступлений, совершенных в общественных местах, стало следствием не только ограничительных мер, но и активизации усилий правоохранительных органов по профилактике преступности, все более широкого применения в этих целях информационных технологий (например, аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» и др.). Так, в г. Москве правоохранительными органами использовалась новая система для анализа видеоархивов на предмет выявления и отождествления лиц по биоантропометрическим признакам при входе в подъезды жилых домов (подсистема автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации Государственной информационной системы «Единый центр хранения и обработки данных»), запущенная с 1 февраля 2020 г. В Московском метрополитене внедрена интеллектуальная система биометрической идентификации лиц Face Control, контролирующая свыше 5 тыс. камер видеонаблюдения на 227 станциях, при помощи которой только за последние три месяца 2020 г. выявлено более 350 граждан, находившихся в розыске [4].

Прогнозируя дальнейшее развитие криминальной ситуации в текущем году (*криминологический прогноз*), необходимо отметить, что, по сравнению с 2019 г., прогнозные оценки населения по отношению к 2021 г. ухудшились [10]. Так, возросло число респондентов, которые ожидают дальнейшего ухудшения экономической ситуации в стране (с 19 до 23 %), снижения качества жизни населения (с 22 до 27 %), увеличения социального неравенства, разницы в доходах между бедными и богатыми (с 43 до 48 %), роста уровня безработицы (с 37 до 42 %) и преступности (с 26 до 30 %). Увеличилось и число тех, кто считает, что в целом жизнь в стране в будущем станет только хуже: через полгода – год (с 28 % в 2019 г. до 32 % в 2020 г.) и через три – пять лет (с 21 до 28 % соответственно) [13].

Таким образом, социологические исследования показывают, что все больше россиян ожидают в будущем ухудшения социально-экономического положения и дальнейшего роста преступности.

Достаточно пессимистические прогнозные оценки относительно состояния и динамики преступности высказали и опрошенные в Университете прокуратуры Российской Федерации эксперты из числа прокурорских работников. Согласно полученным данным, почти половина (44,2 %) респондентов считает, что в текущем году уровень преступности возрастет, а еще около половины (48,7 %) – он не изменится, и лишь 7,1 % ожидают снижения данного показателя.

Наиболее вероятными изменениями качественных характеристик преступности в 2021 г., по мнению экспертов, являются увеличение общественной опасности преступных посягательств (52,2 % опрошенных) – возможно дальнейшее увеличение количества тяжких и особо тяжких деяний.

Более трети опрошенных указали на высокую вероятность возрастания уровней профессионализации преступности (34,7 %) и коррупции (34,5 %).

Кроме того, пятая часть опрошенных (21,9 %) считают вероятным рост уровня организованности преступности.

Таким образом, *результаты проводимых исследований позволяют считать обоснованным негативный прогноз дальнейшего развития криминальной ситуации – рост количества регистрируемых преступлений.*

Библиографический список

1. В МВД создали подразделения по борьбе с пропагандой наркотиков в Сети. – URL: <https://ria.ru/20200213/1564674010.html?in=t> (дата обращения: 10.02.2021).

2. Генпрокурор России Игорь Краснов провел совещание по теме борьбы с преступлениями, связанными с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. – URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1880616/> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Доклад о наркотизации в Российской Федерации в 2019 году (выдержка). – URL: https://www.novreg.ru/region/narko/doc/Doklad_narko_situacia_2019.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

4. Докладная записка об итогах работы прокуратуры г. Москвы за 2020 г. – Документ опубликован не был.

5. Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России. – URL: <https://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).

6. Законопроект № 9861128-7. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/9861128-7> (дата обращения: 10.02.2021).

7. Законопроект № 916965-7. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/916965-7> (дата обращения: 10.02.2021).

8. Информационно-аналитический обзор «Противодействие незаконному обороту оружия» (п. 36 Плана работы НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации на 2020 г.). – Документ опубликован не был.

9. Информационно-аналитическая справка «Прогноз состояния и динамики преступности в Российской Федерации» (п. 31 Плана работы НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации на 2021 г.). – Документ опубликован не был.

10. Ожидания от 2021-го. – URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14528> (дата обращения: 19.01.2021).

11. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 48, ст. 7710.

12. Преступность и инфекция. – URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/019/882/802/Globalnaya_initsiativa_Prestupnost_i_Infektsiya1.pdf (дата обращения: 19.03.2021).

13. Социальные прогнозы. – URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14514> (дата обращения: 19.01.2021).

14. Спекуляция пандемией: как преступники используют кризис COVID-19. – URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/019/882/802/Evropol_Spekulyatsiya_pandemiy1.pdf (дата обращения: 19.03.2021).

15. *Фалалеев М.* Пока все дома / М. Фалалеев // Российская газета. – 2020. – 13 авг.

16. Четверть россиян оправдывают насилие в семье. – URL: <https://nafi.ru/analytics/chetvert-rossiyan-opravdyvayut-nasilie-v-seme/> (дата обращения: 19.03.2021).

Д. А. Шестаков,
президент Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный деятель науки РФ

Политические перспективы завтрашнего преступноведения

Аннотация. Кратко изложены положения одного из научных направлений развития отечественной криминологии, связанного с отраслевым строением преступноведения – политической криминологии. Акцент сделан на многоуровневом видении преступности и его значении для будущего политкриминологии, на политико-преступноведческой роли русского языка, на уголовной политике, содержанием которой является единое право противодействия преступности. Изложены политические задачи преступноведения, требующие своего решения в ближайшее время.

Ключевые слова: преступность, преступноведение, политическая криминология, уголовная политика, русский язык, противодействие преступности.

Российская криминологическая ассоциация, 30-летие которой мы празднуем, вносит значительный вклад в разработку мер противодействия преступности. С почтением вспоминаем мы Азалию Ивановну Долгову, которая до конца жизни возглавляла это замечательное научное сообщество. Пожелаем Виктору Викторовичу Меркурьеву и всем коллегам, сегодня направляющим деятельность ассоциации, дальнейших творческих успехов.

Многолетние раздумья. Здесь я представлю в сжатом виде положения одного из направлений моих поисков. Приведенные ниже соображения ковались с перерывами на протяжении нескольких десятков лет. Большинство из них неоднократно были опубликованы.

От семантики к отраслевому развитию единой криминологии. Семантическая концепция преступности выдвинута мной в далеком 1981 г. [11, с. 106]. Нет нужды в очередной раз ее здесь воспроизводить, она достаточно известна. Затем в логической связи с ней появились отрасли науки о преступности – от семейной криминологии до безусловно финальной криминологии закона, к которой концепция и устремлена. В промежутке между рождением этих двух отраслей на свет явились криминология массовой коммуникации, политическая, экономическая криминология, криминопенология. Заметно становление криминологии медицинской [7] и научно-образовательной [9] сфер общества. Таким образом сложилась школа (невско-волжская) преступных подсистем с ее теоретической основой и отраслевым разветвлением.

Неудивительно, что на заре ее становления она встретила сопротивление. Такова судьба всего нового. Несмотря на то, что противодействие школе было связано с очевидным искажением выдвинутых ею научных положений, автор настоящих строк добродушно относился к этой, выражаясь словами великого Пушкина, «детской резвости» [10, с. 385]. На шалости никак не отвечал. Однако прошли десятилетия, «дети» не только выросли, но стали пожилыми, некоторые из них, увы, уже в мире ином, а «воз и ныне там».

Совсем недавно в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе состоялась очередная беседа по политической криминологии. С основным докладом выступил стоявший некогда у истоков этой отрасли П. А. Кабанов [5]. И мною только теперь было наконец высказано недоумение по поводу того, что до сих пор (!) кое-кто по-прежнему возражает против отраслевого строения преступноведения. В этом естественном развитии все еще иногда пытаются узреть угрозу криминологической науке. Разве ядерная физика повредила физике как таковой, педиатрия – медицине, биохимия – биологии в целом? [14]. На пути к криминологии закона политическая криминология стала неким промежуточным итогом. Однако сегодня именно на ней как таковой мы задержимся.

Многоуровневое видение преступности: значение для будущего политкриминологии. То, что она сложилась – неоспоримый факт [3]. Для успешного, полезного для общества ее будущего необходимо опять же взаимодействие с общей криминологической теорией. Для этой отрасли, как мне кажется, имеет значение доктрина многослойного строения (воронки) преступности. Эта доктрина тоже хорошо известна, подчеркну

лишь, что в основании девятиуровневой воронки лежит глобальная олигархическая преступность, а из вышерасположенных слоев особо для политического преступноведения значимы внутренний олигархический и внутренний государственный уровни преступности. «Воронка преступности» уже применяется для осмысления актов агрессии, например, против Ливии и Сирии, управления из-за рубежа «цветными революциями» и вот теперь протестными выступлениями в России. Она работает [2], но, как всякий инструмент, и сама она нуждается в совершенствовании.

Политико-преступноведческая роль русского языка. После распада Советского Союза среднее и высшее образование в нашей стране по ряду показателей целенаправленно испорчено. Новое поколение заметно уступает предшествующему в грамотности. Выпускники школ в большинстве своем пишут с ошибками и не прочитали главнейших произведений отечественной художественной литературы! А это ведь стихийное бедствие для великой державы... Снижение духовного развития при нагнетаемом в России поклонении наживе стало одним из главных возбудителей преступного поведения в наше время. Развитая духовность предполагает чувство привязанности к родине. Вот почему политика противодействия преступности должна включать в себя привитие молодежи любовь и уважение к отечественной культуре, литературе, русскому языку.

Продвижение вперед науки обогащает язык новыми понятиями. Важно, чтобы при этом развивалась не только некая условная международная речь, но обязательно также национальная. Надо заботиться о развитии русского языка, чтобы он охватывал все подвластные науке сложности современной жизни [4]. Это вопрос выживания нашей самобытности, которую враждебные стране силы стремятся задуть. Язык – дыхание народа. Посмотрите, с каким злом сталкивается он в современном мире: в Украине, Прибалтике и не только.

Российские преступноведы! Не засоряйте свою мысль иностранными терминами. Принося новое знание, подталкивайте вперед и родную речь, обогащая ее при необходимости новыми словами.

Ответ на массовые политические выступления в городах России. Прокатившаяся в текущем 2021 г. управляемая из-за рубежа волна протестов наблюдается политкриминологией. Мной высказывалось пожелание выработать противоположное отношение к пророссийской (необходимой для страны) и противороссийской (вредоносной для нее) разновидностям оппозиции. Следует постараться перенаправить «скандально-тусовочную»

энергию части протестующих: выступать надо не за продавшегося за рубеж Навального, но против преступного господства олигархии.

Уголовная политика и мысли о едином праве противодействия преступности. Надеюсь, будет продолжено начатое благое дело ниспровержения неприемлемой для России «двунаправленной» уголовной политики. Она находит выражение в немыслимой жестокости за тяжкие и особо тяжкие преступления при явном ослаблении государственного участия в противостоянии преступлениям небольшой и средней тяжести.

В читаемом мной в СПбГУ (ЛГУ), начиная с середины 1970-х гг., курсе криминологии было введено понятие и разработана структура криминологического законодательства. Раздел первый посвящался нормативным актам, которые определяют криминологическую политику [1]. Отрадно, что спустя всего несколько десятилетий появились весьма значимые сторонники признания названной законодательной отрасли [6, 8]. А теперь мы заводим речь о едином праве противодействия преступности [12, 15]. Одним из поводов этому послужило разрастание так называемых мер безопасности, подчас противоречащих праву, что наблюдается не только в России. Отсюда возникает потребность в их сдерживании.

Некоторые из конституционных предложений. Приведу здесь только те пожелания, которые направлены на ослабление одной из трех основных причин воспроизводства преступности в России, вытекающей из внутренней постсоветской политики. Я имею в виду, конечно, противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством. Полагаю, что мое представление о трех причинах сотоварищам по науке известно.

При обсуждении требующихся поправок Конституции РФ мною предлагалось ее ст. 13 дополнить частью шестой: *«Граждане РФ имеют право на критику неравенства и иной общественной несправедливости»*. В ст. 7 следует установить: *«Природные запасы России являются совместной собственностью всех ее граждан»*. Нужно пользователей природными запасами обязать делиться со всеми россиянами прибылью. Сейчас это едва ли достижимо, но уже на сей день неплохо было бы часть первую ст. 9 Конституции РФ изложить так: *«Каждый гражданин России получает плату за использование кем бы то ни было природных ресурсов, а также установленную законом долю от прибыли, получаемой от использования ресурсов»* [13, с. 17].

Ближайшие политические задачи преступноведения. Вот какие проблемы надо иметь в поле зрения прежде всего: 1) глобальная олигархическая преступность, воспроизводство которой осуществляется в значительной мере посредством США (военная агрессия, преступное вмешательство в политику суверенных государств). Особое внимание должно быть уделено разработке мер противодействия русофобии, развернутой в международном пространстве; 2) внутренняя государственно-олигархическая политика расслоения населения на процветающих и немущих; 3) насаждаемый в России криминогенный культ богатства, которое не заслужено принесением обществу соответствующих благ.

Совершенно ясно, что скорое решение этих научных задач невозможно без целенаправленно сосредоточенного труда политической отрасли криминологии, которая приобрела соответствующие навыки.

Библиографический список

1. *Бурлаков В. Н.* Преподавание криминологии в современных условиях / В. Н. Бурлаков, Я. И. Гишинский, Д. А. Шестаков // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 6, вып. 3. – С. 121–125.

2. *Гаджиев Д. М.* «Воронка преступности» применительно к преступности в Республике Дагестан / Д. М. Гаджиев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 3(42). – С. 13–18.

3. *Данилов А. П.* Криминология: Россия и Мир. – Санкт-Петербург : Полиграф. предприятие № 3, 2018. – 328 с. – ISBN 978-5-6041009-3-6.

4. *Данилов А. П.* Словарный запас преступноведения: засорение или необходимое развитие? / А. П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 3(50). – С. 39–41.

5. *Кабанов П. А.* Политическая криминология: тенденции и перспективы развития в XXI веке / П. А. Кабанов. – URL: www.criminologyclub.ru (дата обращения: 01.05.2021).

6. *Клеймёнов М. П.* Криминология : учебник / М. П. Клеймёнов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Норма, 2018. – 400 с. – ISBN 978-5-91768-928-9.

7. Криминология здравоохранения. Материалы беседы Санкт-Петербургского международного криминологического клуба // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3(58). – С. 41–100.

8. Орлов В. Н. Основы криминологического права : учебник / В. Н. Орлов. – Москва : Криминол. б-ка ; Ставрополь : АГРУС, 2016. – 666 с. – ISBN 978-5-9596-1209-2.

9. Преступность сферы науки и образования. Беседа Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – URL: www.criminologyclub.ru (дата обращения: 01.05.2021).

10. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2 / А. С. Пушкин. – Москва : Худож. лит., 1974.

11. Шестаков Д. А. На криминологическом семинаре / Д. А. Шестаков // Правоведение. – 1981. – № 2. – С. 105–107.

12. Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности / Д. А. Шестаков. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2019. – 215 с. – ISBN 978-5-905966-00-2.

13. Шестаков Д. А. От преступностиведческой теории причинности к изменению конституции (на примерах России и Казахстана) / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 3(46). – С. 15–20.

14. Шестаков Д. А. Политическое преступностиведение о молодежных протестах / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1(60) (находится в печати).

15. Шестаков Д. А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности / Д. А. Шестаков // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования : коллективная монография / отв. ред. А. Е. Мизанбаев. – Костанай : Центрум, 2012. – С. 111–113. – ISBN 978-73740-0-6.

В. В. Меркурьев,

заведующий отделом НИИ Университета

прокуратуры Российской Федерации

доктор юридических наук, профессор,

вице-президент Российской криминологической ассоциации,

Поиск модели развития криминологии в XXI веке в условиях новой холодной войны

Аннотация. Анализируются проблемы развития криминологии будущего. Сформулированы основные направления, которыми, по мнению автора, являются: цифровые технологии в борьбе с преступностью – проблемы привлечения к ответственности администраторов крупных торговых площадок в даркнете, выявления и предупреждения преступлений, связанных с использованием цифровых валют, социальной инженерии, сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, незаконным оборотом наркотических средств в сети «Интернет» и распространением экстремистских материалов, а также борьба за суверенитет России в новых геополитических условиях – проблемы защиты конституционного строя и суверенитета государства от различного рода внутренних и внешних угроз, связанных с деятельностью по организации, финансированию и подготовке сил, оппозиционно настроенных к действующей власти и стремящихся к ее насильственному захвату.

Ключевые слова: преступность, цифровые технологии, борьба с преступностью, предупреждение преступности, суверенитет, геополитика.

О криминологии будущего. Когда мы ставим цель определить вектор развития криминологии, то понимаем, что речь идет не только о развитии собственно науки криминологии и криминологических знаний, а скорее о реализации жизнеутверждающих принципов образа жизни, жизнеустройстве и жизнеобеспечении на основе правомерного поведения через формирование индивидуального, общественного и всеобщего, духовно

освященного сознания, на пути не только минимизации, но и разработки новых направлений, для последующей ликвидации преступности и движения к безкриминальному образу жизни. Так, почти дословно, сформулировал новый взгляд на развитие криминологии будущего профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя профессор В. Н. Фадеев в статье «О направлениях развития криминологии будущего», вошедшей в один из последних сборников Российской криминологической ассоциации (далее: РКА) [13].

Можно сколько угодно критиковать новый подход к определению будущего криминологии как криминологии будущего в интерпретации одного из ведущих российских криминологов, идея концептуального развития *криминологии* одновременно в двух парадигмах – метафизической и материалистической – приобретает конкретные контуры соответствующих им форматов:

1. Классическая (*академическая материалистическая*) криминология.
2. Неоклассическая (*ретроспективно-критическая*) криминология.
3. Неклассическая (*конструктивно-целевая, метафизическая*) криминология.
4. Глобальная (*планетарно-космическая*) криминология.
5. Практическая (*экспертно-прогностическая*) криминология [13].

К настоящему времени сформулированы и опубликованы другие интересные мысли о будущем криминологии, также заслуживающие обсуждения и творческой дискуссии [1, 2, 5]. Несмотря на тяготение участников дискуссии к оценкам вектора развития криминологии с опорой на имеющиеся знания о преступности и преступниках в реалиях *современного* общества, все чаще публикуются результаты поисковых исследований, посвященных анализу будущего общества, прогнозу тенденций и особенностей преступности завтрашнего дня [3, 7, 8].

Цифровые технологии в борьбе с преступностью. Нет необходимости перечислять множество работ и точек зрения, высказанных учеными и специалистами о состоянии преступности в цифровом мире. Обращу внимание на один устойчивый тренд в развитии криминологии будущего, который связан с цифровизацией всего и вся в нашей жизни.

В этом смысле трудно не согласиться с авторитетным мнением доктора юридических наук советника министра внутренних дел и ведущего специалиста в области использования цифровых технологий в борьбе с преступностью В. С. Овчинского, который в статье «Вся наша жизнь – криминология» с особой озабоченностью о состоянии криминологии пишет, что «...старая криминология сейчас мертва, она интересна только с позиций исторического анализа... Традиционная преступность – это снежный ком, катящийся с горы, который будет нарастать, но при этом прорастать цифровыми нитями. Однако самый большой вред наносит цифровая преступность, она наиболее опасна, так как порождает социальное неравенство. Тут огромный ресурс работы и изучения для криминолога». Далее он продолжает: «...Классики... не принимают, не хотят принимать новшества... Наши ученые-криминологи до сих пор не поняли опасности технологической преступности, ничего о ней не знают...» [6].

Показательно, что в Перечне приоритетных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021–2030 годы в области юридических наук криминология и пенитенциарная система представлены следующими приоритетными темами:

- «Влияние интернета, цифровых технологий и формирование криминологического статуса общества, отдельных социальных групп и личности»;
- «Использование возможностей цифровых технологий в криминалистических и пенитенциарных целях»;
- «Разработка альтернативных систем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе» [9].

С удовлетворением отмечаю, что работа по этим направлениям ведется уже не один год вице-президентом РКА доктором философских наук, профессором И. Ю. Сундиевым, который в одной из своих статей справедливо отметил, что глобальный проект «Пандемия 2020–2021» не только ломает привычный процесс консолидации общества под воздействием экстремального события, но и впервые в истории провоцирует «*эффект невозвращения*» к норме. По его мнению, ударная серия локдаунов по всему миру уже привела к необратимому масштабному распаду социальных связей, необходимых для нормального функционирования соци-

ума (в семье и школе, в профессиональной деятельности и других ключевых сферах государственного регулирования) [10, 11, 12].

Итоги проведенной 27 января 2021 г. Всероссийской научно-практической конференции «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции» (Долговские чтения) убедительно показали необходимость глубокого и качественного изучения преступности в сфере высоких технологий, включая отдельные наиболее распространенные ее виды, проведение комплексного анализа следственной и судебной практики по киберпреступлениям.

Особого внимания заслуживают проблемы привлечения к ответственности администраторов крупных торговых площадок в даркнете, выявления и предупреждения преступлений, связанных с использованием цифровых валют, социальной инженерией, сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, незаконным оборотом наркотических средств в сети «Интернет» и распространением экстремистских материалов.

В целях обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, как сказано в рекомендациях, подготовленных участниками конференции, подлежит решению вопрос о закреплении правового статуса социальных интернет-сетей, уделив особое внимание идентификации их владельцев и закреплению обязанностей данных лиц:

1) по недопущению распространения и передачи информационных сообщений, используемых при осуществлении противоправной деятельности, а также обмена ими между пользователями;

2) ограничению распространения пользователями сети «Интернет» общественно значимой достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире [14].

В борьбе за суверенитет России в новых геополитических условиях криминология в стороне не останется. Последнее в условиях новой холодной войны, в которую Россию втянул Запад, приобретает особую значимость.

Во втором десятилетии XXI столетия Российская Федерация столкнулась с проблемой защиты конституционного строя и суверенитета государства от различного рода внутренних и внешних угроз, связанных с деятельностью по организации, финансированию и подготовке сил, оппози-

ционно настроенных к действующей власти и стремящихся к ее насильственному захвату.

Как показали результаты государственного мониторинга состояния национальной безопасности, наиболее острые конфликтные ситуации возникают в результате нарушения прав и законных интересов граждан Российской Федерации в различных областях общественных отношений, в числе которых наиболее болезненно воспринимаются проблемы в социально-экономической сфере. Своеобразным катализатором эскалации конфликтов является неизжитая многолетняя негативная практика представителей публичной власти «замести под ковер» наболевшие проблемы людей.

Нередко длительное бездействие органов публичной власти в решении беспокоящих граждан социально-экономических и иных общественно значимых проблем приводит к повышению уровня эмоциональных переживаний, недовольству граждан из-за несправедливого к ним отношения, утверждению фактического неравенства в обществе, увеличению количества конфликтных ситуаций и радикализации протеста.

В связи с этим предупреждение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в условиях роста протестной активности населения требует повышенного внимания со стороны криминологов в связи с беспрецедентным вмешательством во внутренние дела России со стороны США и их союзников, которые продолжают искать и использовать самые разнообразные акты, методы и практики в целях сдерживания России, ее дискредитации на международной арене и дестабилизации российской политической системы.

Поводом для внешнего вмешательства в политическую повестку по дискретизации и делегитимизации публичной власти являются в том числе:

- различные избирательные кампании: от федеральных (президентские выборы 2018 г.) до региональных (в период 2017–2019 гг.);
- межнациональные конфликты, имевшие место на территории Кабардино-Балкарской Республики в сентябре 2018 г., а также в Республике Ингушетия осенью 2018 г. и весной 2019 г. в связи с определением границ с Чеченской Республикой;

- пенсионная реформа, вступившая в силу с 1 января 2019 г. и ставшая центральным элементом социального протеста последних лет;
- экологические протесты, например, протест против строительства мусорного полигона в Архангельской области, породивший волну «анти-мусорных» выступлений в 2019 г. в 30 регионах России;
- несанкционированные акции в поддержку бывшего губернатора Хабаровского края С. Фургала, длившиеся с июля и до конца 2020 г. и возобновившиеся весной 2021 г.;
- враждебные действия против нашей страны, инспирированные с целью дискредитации как самих конституционных новаций, предложенных Президентом России В. В. Путиным, так и способа их введения в действие через процедуры прямой демократии (путем общероссийского голосования в июле 2020 г.) и др.

Этот перечень можно продолжать. В среднесрочной перспективе он будет, вероятнее всего, пополняться новыми эпизодами, о чем свидетельствуют события начала 2021 г., связанные с протестными акциями в поддержку блогера и оппозиционного политика А. Навального. Их продолжение, правда, не столько масштабное, мы наблюдали и 21 апреля 2021 г. в день Послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. Они могли стать «спусковым крючком» для формирования управляемой агрессивной политической толпы и серьезным ухудшением криминогенной ситуации в стране, и без того обусловленной западными санкциями, спадом экономической активности, ростом безработицы и снижением доходов граждан. Как показали результаты прошедших в начале 2021 г. событий, *поиск* эффективных способов реагирования на практики вмешательства извне во внутренние дела России *обусловлен* в том числе тем обстоятельством, что под прицелом организаторов несанкционированных политических акций оказались наши дети – самая уязвимая от негативного влияния часть общества.

Становится очевидным, что победить в новой холодной войне не будет шанса, если не преодолеть обострившийся в период эпидемии коронавируса и «самоизоляции» кризис доверия государственным институтам, не найти социальные механизмы, способные обеспечить солидарность и единение власти и общества.

В связи с этим завершить свои тезисы я хочу запавшими в мою душу словами русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева: «Разрозненных нас сразу уничтожат, наша сила – в единстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия» [4].

Библиографический список

1. Горшенков Г. Н. Криминология в XXI веке – звезда с увеличенной светимостью / Г. Н. Горшенков // Криминология вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 4(47). – С. 19–25.

2. Иншаков С. М. Криминология в XXI веке / С. М. Иншаков // Криминология вчера, сегодня, завтра. – № 3(46). – С. 36–44.

3. Ларина Е. С. Криминал будущего уже здесь / Е. С. Ларина, В. С. Овчинский. – Москва : Кн. мир, 2017. – 505 с. – ISBN 978-5-9500726-5-9.

4. Менделеев Д. И. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. – Москва : Мысль, 1995. – 413 с. – ISBN 5-244-00766-1.

5. Номоконов В. А. Криминология будущего – позитивная криминология? / В. А. Номоконов, Т. М. Судакова // LEX RUSSICA (Русский закон). – 2018. – № 9(142). – С. 29–38.

6. Овчинский В. С. Вся наша жизнь – криминология / В. С. Овчинский // Экономические стратегии. – 2019. – № 8. – С. 111–115.

7. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира / В. С. Овчинский. – Москва : Инфра-М, 2018. – 351 с. – ISBN 978-5-91768-896-1.

8. Овчинский В. С. Преступность: футурологический взгляд / В. С. Овчинский. – URL: <https://www.izborsk-club.ru/8813> (дата обращения: 22.09.2019).

9. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) : [утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 31 дек. 2020 г. № 3684-р]. – Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. Сундиев И. Ю. Организационные и цифросетевые средства терминальной деструкции социума / И. Ю. Сундиев, А. Б. Фролов // Экономические стратегии. – 2021. – № 3. – С. 2–9.

11. *Сундиев И. Ю.* Противодействие высокотехнологичным методам вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность / И. Ю. Сундиев // Особенности противодействия преступности в субъекте Российской Федерации (на примере Центрального федерального округа): от теории к практике : сб. материалов науч.-практ. конф., Москва, 10 дек. 2019 г. / под общ. ред. О. С. Капинус ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2020. – С. 45–54.

12. *Сундиев И. Ю.* Управление суперпозицией в информационно-когнитивных процессах (инвариантность методов деструкции социума) / И. Ю. Сундиев, А. Б. Фролов // Экономические стратегии. – 2019. – № 7. – С. 124–133.

13. *Фадеев В. Н.* О направлениях развития криминологии будущего / В. Н. Фадеев // Криминальная ситуация и антикриминальное законодательство: проблемы криминологической обусловленности закона : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 22 янв. 2020 г. / Рос. криминол. асоц. – URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2020/10/sbornik-22-yanvarya-2020.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

14. Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения) : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27 янв. 2021 г. / под общ. ред. О. С. Капинус ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2021.

А. Я. Гришко,

профессор кафедры уголовного права и криминологии

Рязанского государственного университета

имени С. А. Есенина,

профессор кафедры уголовного права

и уголовно-исполнительного права

Нижегородской академии МВД России

доктор юридических наук, профессор

Криминологический эксперимент в практике противодействия преступности: история, состояние, перспективы

Аннотация. Материал посвящен исследованию генезиса, состояния и перспектив криминологического эксперимента в практике противодействия преступности. Делается вывод о необходимости методики индивидуальной воспитательной работы с осужденными, криминологической экспертизы и предварительного экспериментирования, возложения на уголовно-исполнительные инспекции полномочий в рамках системы probation по оказанию помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно.

Ключевые слова: преступность, осужденные, профилактика преступности, общественные пункты охраны порядка, пенитенциарный и постпенитенциарный рецидив, социально-криминологический эксперимент, криминологическая экспертиза, органы местного самоуправления.

Усиление внимания к истории в настоящее время обуславливается прежде всего необходимостью объективной оценки исторических событий. Ретроспективный подход к тому или иному вопросу, кроме того, позволяет по прошествии определенного времени выявить место, роль, значение того или иного института. Известна в этой части аксиома, согласно которой для уяснения того или иного явления необходимо знать, как оно возникло, какие этапы прошло и чем стало в настоящее время. Это в полной мере отно-

сится к вопросу методики криминологического обоснования мер противодействия преступности.

Многочисленные ошибки и недостатки в практике законодательных мер, мер организационного характера в указанной сфере заставляют обратиться к опыту, который имел место в советский период развития России.

Речь идет в первую очередь о подготовке таких мер. В ней значительное место отводилось эксперименту. Прежде чем принять решение, осуществлялась его апробация на определенном уровне, как правило, в конкретном регионе. В случаях положительных результатов такой эксперимент в виде позитивного опыта рекомендовался к принятию в других регионах (Вологодский опыт исправления и перевоспитания осужденных в коллективе и через коллектив, белорусский и челябинский опыт индивидуальной профилактики преступлений) или анализировался на законодательном и ином нормативном правовом уровнях (создание общественных пунктов охраны порядка, добровольные народные дружины). Повсеместно и однозначно было развернуто индивидуальное шефство над так называемыми трудными подростками.

Отсутствие в настоящее время указанных институтов и их замещения альтернативными мерами вызывает повышенный интерес к ним. Он актуализируется значительным количеством преступлений, совершаемых на местно-бытовой почве несовершеннолетними.

Созданные в каждом жилом микрорайоне общественные пункты охраны порядка, их советы были максимально приближены к населению. Это позволяло советам общественных пунктов охраны порядка принимать конкретные меры: к домашним дебоширам; лицам, злоупотребляющим спиртными напитками; родителям, оказывающим отрицательное влияние на детей. В помещениях общественных пунктов организовывалась работа кружков для детей, на прилегающих территориях строились спортивные площадки.

Закрепление шефов из числа курсантов военных училищ, вузов МВД, студентов за подростками, состоящими на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, во многом определяло эффективность профилактики преступлений и иных правонарушений с их стороны. Результаты работы шефов находили свое отражение в курсовых и других работах, учитывались при их аттестации, поощрялись правоохранными и иными органами.

Значительную роль в предупреждении непенитенциарного и постпенитенциарного рецидива преступлений играло распространение вологодского, белорусского, челябинского опыта в исправительных учреждениях. На основе учения А. С. Макаренко об оперативных путях в воспитательном процессе [3] была разработана методика индивидуальной воспитательной работы с осужденными. В ней была определена система стимулов, позволяющая поэтапно улучшить правовое положение осужденного в зависимости от степени его исправления.

Забвение приведенных социально-криминологических экспериментов, отсутствие должной криминологической экспертизы при принятии законов являются одной из причин низкой профилактической и правоприменительной практики. Это можно продемонстрировать на примере: установления уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210, ст. 210¹ УК РФ) [2]; ликвидации принудительных мер, применяемых к лицам, больным алкоголизмом и наркоманией; идеи преобразования исправительных колоний в тюрьмы и др.

Современная законодательная правоприменительная практика не презюмирует проведение эксперимента в целях предварительной апробации идей, закладываемых в проект законодательного акта. Кроме того, идеи проведения криминологической экспертизы практически не работают. Законопроект «О криминологической экспертизе», подготовленный коллективом под руководством А. И. Долговой, так и остался законопроектом. На федеральном уровне не определен уполномоченный орган, призванный ее осуществлять. На законодательном уровне отсутствует научно-консультативный совет из числа ведущих криминологов.

Непридание должного значения экспериментам при принятии мер в социально-криминологической сфере, криминологической экспертизе будет и в дальнейшем снижать эффект от принимаемых мер. В частности, требует криминологической экспертизы и предварительного экспериментирования возложение на уголовно-исполнительные инспекции полномочий в рамках системы пробации по оказанию помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно [4].

Таким образом нужно подойти и к вопросу возможности использования труда осужденных вместо иностранных граждан [1]. Выборочное исследование, проведенное автором, свидетельствует, в частности, что ор-

ганы местного самоуправления весьма критично настроены на привлечение к выполнению работ осужденных к обязательным работам.

Законодательного или иного нормативного правового закрепления требует вопрос об уполномоченном органе, наделенном правом проведения криминологической экспертизы. Представляется, что в силу своего правового статуса им может быть Минюст России. При нем должен быть образован научно-консультативный совет из числа ведущих криминологов.

Своей адаптации к современным условиям требует и индивидуальная шефская работа с несовершеннолетними. Это может быть осуществлено путем привлечения к данной работе волонтеров. К сожалению, со стороны региональных и муниципальных органов власти, правоохранительных органов в обозначенном направлении каких-либо попыток не предпринимается.

Библиографический список

1. Глава ФСИН России предложил использовать труд осужденных вместо труда мигрантов // *Коммерсантъ*. – 2021. – 23 мая.

2. *Гришко А. Я.* Специальный субъект создания преступного сообщества (преступной организации): вопросы унификации законодательства Белоруссии и России / А. Я. Гришко // *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. – 2020. – № 1. – С. 72–78.

3. *Макаренко А. С.* Методика организации воспитательного процесса / А. С. Макаренко // *Сочинения*. В 7 т. Т. 5. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – С. 76–80.

4. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В. Н. Орлов,

профессор кафедры организации исполнения наказаний

Санкт-Петербургского университета

Федеральной службы исполнения наказаний,

главный редактор журнала

«Российский криминологический взгляд»

доктор юридических наук, доцент

Общая часть Криминологического кодекса Российской Федерации: основные идеи

Аннотация. На основе анализа теоретических и методологических положений науки и учебной дисциплины криминологии делается вывод о необходимости рассмотрения ее как комплексной отрасли права. Особое внимание уделено концепции создания Криминологического кодекса Российской Федерации. Автором разработаны такие структурные разделы данного документа, как: цели, задачи и принципы; антиобщественное поведение и криминологическая ответственность; меры предупредительного воздействия; назначение меры предупредительного воздействия; освобождение от меры предупредительного воздействия; особенности криминологической ответственности несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная политика, криминология, наука, учебная дисциплина, криминологический кодекс, борьба с преступностью, предупреждение преступности.

Традиционно в учебной и научной литературе криминология рассматривается в качестве науки и учебной дисциплины. Однако, учитывая современные взгляды ученых-криминологов и состояние криминологического законодательства, криминологию надлежит рассматривать не только в качестве науки и учебной дисциплины, но и комплексной отрасли права [2, 3, 4].

В доктрине криминологии в течение длительного времени разные ученые криминологическое право называли по-разному: «профилактиче-

ское право» (Г. А. Аванесов, 1980 г.), «российское уголовно-превентивное право» (Ю. В. Трунцевский, 2010 г.) и т. д. Сегодня термин «криминологическое право» широко применяется в научном обороте. Особый интерес представляет концепция о создании Криминологического кодекса Российской Федерации. Эта концептуальная идея, как правило, вызывает бурную дискуссию среди криминологов и представителей других наук криминального цикла. Основные идеи и положения Криминологического кодекса Российской Федерации мы излагали ранее [1].

Развивая идею Криминологического кодекса Российской Федерации, обозначим структуру и основные положения его Общей части. На наш взгляд, *Общая часть Криминологического кодекса Российской Федерации* должна включать следующие элементы.

Глава 1. Цели, задачи и принципы Криминологического кодекса Российской Федерации: Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе; Статья 2. Криминологическое законодательство Российской Федерации; Статья 3. Цели и задачи криминологического законодательства Российской Федерации; Статья 4. Структура и содержание криминологического законодательства Российской Федерации; Статья 5. Криминологическое законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты; Статья 6. Предметы ведения Российской Федерации в области криминологического законодательства; Статья 7. Предметы ведения субъектов Российской Федерации в области криминологического законодательства; Статья 8. Действие криминологического законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени; Статья 9. Принципы криминологического законодательства Российской Федерации; Статья 10. Принцип законности; Статья 11. Принцип равенства граждан перед законом; Статья 12. Принцип справедливости; Статья 13. Принцип гуманизма; Статья 14. Принцип демократизма; Статья 15. Принцип дифференциации и индивидуализации применения меры предупредительного воздействия; Статья 16. Принцип рационального применения мер предупредительного воздействия; Статья 17. Принцип стимулирования правопослушного поведения граждан; Статья 18. Принцип соединения мер предупредительного воздействия с воспитательным воздействием.

Глава 2. Антиобщественное поведение и криминологическая ответственность: Статья 19. Понятие антиобщественного поведения; Статья 20. Формы вины; Статья 21. Возраст, по достижении которого наступает криминологическая ответственность; Статья 22. Общие условия криминоло-

гической ответственности; Статья 23. Криминологическая ответственность должностных лиц; Статья 24. Криминологическая ответственность военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания; Статья 25. Криминологическая ответственность иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц; Статья 26. Крайняя необходимость; Статья 27. Невменяемость; Статья 28. Освобождение от криминологической ответственности; Статья 29. Криминологическая ответственность юридических лиц.

Глава 3. Меры предупредительного воздействия: Статья 30. Понятие и цели мер предупредительного воздействия; Статья 31. Органы и учреждения системы мер предупредительного воздействия; Статья 32. Виды мер предупредительного воздействия; Статья 33. Основные и дополнительные меры предупредительного воздействия; Статья 34. Правовое просвещение и правовое информирование; Статья 35. Криминологическая экспертиза; Статья 36. Профилактическая беседа; Статья 37. Объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; Статья 38. Профилактический учет; Статья 39. Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; Статья 40. Профилактический надзор; Статья 41. Административный надзор; Статья 42. Социальная адаптация; Статья 43. Ресоциализация; Статья 44. Социальная реабилитация; Статья 45. Помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Глава 4. Назначение меры предупредительного воздействия: Статья 46. Общие правила назначения мер предупредительного воздействия; Статья 47. Обстоятельства, смягчающие криминологическую ответственность; Статья 48. Обстоятельства, отягчающие криминологическую ответственность; Статья 49. Назначение мер предупредительного воздействия за совершение нескольких фактов антиобщественного поведения; Статья 50. Давность привлечения к криминологической ответственности; Статья 51. Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым мере предупредительного воздействия; Статья 52. Возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных антиобщественным поведением; Статья 53. Исчисление сроков.

Глава 5. Освобождение от меры предупредительного воздействия: Статья 54. Условно-досрочное освобождение от отбывания меры преду-

предупредительного воздействия; Статья 55. Замена неотбытой части меры предупредительного воздействия; Статья 56. Освобождение от меры предупредительного воздействия в связи с болезнью; Статья 57. Отсрочка отбывания меры предупредительного воздействия; Статья 58. Освобождение от отбывания меры предупредительного воздействия в связи с истечением сроков давности.

Глава 6. Особенности криминологической ответственности несовершеннолетних: Статья 59. Криминологическая ответственность несовершеннолетних; Статья 60. Органы и учреждения системы мер предупредительного воздействия на несовершеннолетних; Статья 61. Виды мер предупредительного воздействия, назначаемых несовершеннолетним; Статья 62. Назначение меры предупредительного воздействия несовершеннолетнему; Статья 63. Освобождение несовершеннолетних от мер предупредительного воздействия; Статья 64. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних от отбывания меры предупредительного воздействия; Статья 65. Замена несовершеннолетним неотбытой части меры предупредительного воздействия.

Библиографический список

1. Орлов В. Н. Криминологическое законодательство / В. Н. Орлов // Криминология : учеб. для аспирантов / под ред. И. М. Мацкевича. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. С. 17–20. – ISBN 978-5-91768-819-0.

2. Орлов В. Н. Основы криминологического права : учебник / В. Н. Орлов. – Москва : Криминол. б-ка ; Ставрополь : АГРУС, 2016. – 668 с. – ISBN 978-5-9596-1209-2.

3. Орлов В. Н. Современное криминологическое право. Общая часть и Особенная части : учебник / В. Н. Орлов. – Санкт-Петербург : Ун-т ФСИИ России ; Москва : Криминол. б-ка ; Ставрополь : АГРУС, 2020. – 400 с.

4. Российское криминологическое право. Общая и Особенная части : учебник / А. В. Звонов, А. Е. Михайлов, В. Н. Орлов [и др.] ; под ред. В. Н. Орлова. – Санкт-Петербург : Ун-т ФСИИ России ; Москва : Криминол. б-ка, 2021. – 280 с.

А. В. Сумачев,

профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск)
доктор юридических наук, профессор

**Обычное право в системе профилактики правонарушений мигрантов
(использование криминологических знаний в организации
борьбы с преступностью)**

Аннотация. Отражены основные положения использования криминологических знаний в организации борьбы с преступностью, в частности, реализации норм обычного права в системе профилактики правонарушений мигрантов. Акцентируется внимание на социально вредных (опасных) народных обычаях, существующих в Российской Федерации, и реакции на данную проблему со стороны государства через призму законодательных и организационных инициатив противодействия.

Ключевые слова: криминогенная обстановка, преступление, уголовный закон, обычное право, кража, правоохранительные органы, уголовный закон, мигранты, профилактика преступности, борьба с преступностью.

Активная миграция и ассимиляция народностей в современном мире способствуют распространению национальных (народных) обычаев, в том числе не только социально полезных, но и социально вредных (опасных). В связи с этим предлагаем проанализировать значение норм обычного права с позиций профилактики правонарушений мигрантов.

Первоначально акцентируем внимание на социально вредных (опасных) народных обычаях, реализуемых, в частности, в Российской Федерации. Советскому уголовному праву была знакома практика закрепления запретов на соблюдение вредных обычаев. В частности, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [2] в 1928 г. был дополнен гл. 10 «Преступления, составляющие пережитки родового быта». Уголовный кодекс РСФСР 1961 г. [3] содержал главу о преступлениях, составляющих пережитки местных обы-

чаев (гл. 11). Данные нормативные правовые акты устанавливали санкции за такие деяния, как: похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак; уплата и получение брачного выкупа; многоженство; брак с несовершеннолетними и малолетними; уклонение от примирения.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. [1] (далее: УК РФ) не устанавливает прямой запрет на совершение социально опасных деяний, составляющих пережитки местных обычаев. Однако ответственность за исполнение отдельных обычаев может наступать по общим нормам УК РФ.

Так, обычай уплаты выкупа за невесту (калыма) имеет формальное сходство с составом преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми». Установление уголовной ответственности за уплату выкупа за невесту обоснованно только в тех случаях, когда посредством выкупа невеста принуждается к браку.

В свою очередь «кражу» («умыкание») невесты женихом можно признавать специальным случаем похищения человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ.

Обычай (обряд) жертвоприношения (например, у мусульман животное забивают по праздникам – на Курбан-байрам, обязательно на похоронах, как правило, перед свадьбой и в иных случаях) совершается в основном в присутствии большого количества людей, среди которых есть и малолетние дети. Именно последний факт обряда жертвоприношения – присутствие малолетних – роднит этот обряд с таким составом преступления, как жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ). Однако в настоящий момент уголовная ответственность за жертвоприношение не наступает.

Нет сомнений в том, что социально полезные обычаи (уважение старших, послушание родителям, уважение женщин, народный промысел и т. п.) способствуют формированию законопослушного поведения мигрантов. Однако соблюдение и реализация социально вредных (опасных) обычаев, наоборот, способствует распространению («обыденности») правонарушающего поведения. И здесь с позиций профилактики усматриваются два основных направления: правового и организационного плана.

В части реализации правового направления профилактики, как представляется, следует разрабатывать соответствующие положения национального уголовного законодательства в части правового реагирования на

факты реализации социально вредных (опасных) обычаев. В частности, как отмечалось, обычай уплаты калыма за невесту формально схож с таким преступлением, как торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ). И грань между преступным и непроступным здесь достаточно тонкая. В целях устранения возможных проблем в правоприменительной практике представляется целесообразным дополнить примечание к ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» следующим положением:

«3. Действия по уплате выкупа (калыма) за невесту не признаются куплей-продажей человека или иной сделкой в отношении человека в случае, если есть добровольное, взаимное согласие невесты на вступление в брак с лицом, уплачивающим выкуп (калым)».

«Кража» («умыкание») невесты женихом, например, для отдельных республик Северного Кавказа – это если не рядовое, то достаточно распространенное явление. Разрешение ситуации в части соотношения «кражи» («умыкания») невесты женихом и похищением человека, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 УК РФ, на наш взгляд, возможно в трех вариантах:

1) радикальный путь – «кражу» («умыкание») невесты женихом следует считать специальным случаем похищения человека, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 УК РФ, со всеми вытекающими отсюда уголовно-правовыми последствиями для похитителя;

2) также радикальный путь – «кражу» («умыкание») невесты женихом следует считать обстоятельством, исключающим преступность деяния, предусмотренного ст. 126 УК РФ, и закрепить данное правило в самом уголовном законе (например, в примечании к ст. 126 УК РФ) либо в соответствующих разъяснениях высших судебных инстанций Российской Федерации;

3) компромиссный путь – «кражу» («умыкание») невесты женихом признать специальным обстоятельством освобождения от наказания и закрепить данное правило в примечании к ст. 126 УК РФ (по аналогии с примечанием к ст. 134 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей»). Более справедливым, на наш взгляд, представляется компромиссный путь решения указанной проблемы.

Как отмечалось выше, в настоящее время уголовная ответственность за жертвоприношение не наступает, хотя вполне возможно общественное порицание такого рода публичных деяний. В качестве правового выхода из данной ситуации можно предложить два варианта:

1) публичное жертвоприношение, а именно забивание животного в общественных местах, следует признавать случаем жестокого обращения с животными и квалифицировать по ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными»;

2) ввиду традиционности проведения обряда жертвоприношения для отдельных народностей целесообразно ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи проведения обрядов жертвоприношения, за исключением случаев публичного жертвоприношения, то есть забивания животного в общественных местах».

Таковы основные пути реализации правового направления профилактики возможных правонарушений в части реализации социально вредных (опасных) обычаев.

В части реализации организационных мер профилактики правонарушений мигрантов, основываясь на анализе опыта зарубежных стран, считаем целесообразно изучить опыт, реализуемый в Федеративной Республике Германия по контролю расселения мигрантов. Данная мера может способствовать ускоренной ассимиляции мигрантов с коренным населением страны и формированию его правопослушного поведения.

В заключение отметим, что исследование и разработка направлений профилактики правонарушений мигрантов с точки зрения значения норм обычного права достаточно актуальна и характеризует использование криминологических знаний в организации борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

2. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 80, ст. 153.

3. Уголовный кодекс РСФСР 1961 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

А. В. Серебренникова,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, доцент

Страх и любовь как мотивы правомерного поведения

Аннотация. Исследуются мотивы правомерного поведения через призму соотношений понятий «страх» и «любовь». Автор утверждает, что страх позволяет удерживать от совершения правонарушений, а любовь, наоборот, удерживает в рамках правомерного поведения. Обращено внимание на негативность ужесточения наказаний. Предлагается рассматривать любовь как позитивную установку, основанную на внутреннем осознанном желании личности следовать установленным правилам и нормам.

Ключевые слова: закон, преступление, наказание, ответственность, мотив преступления, уголовный закон, страх, любовь, правомерное поведение.

Правомерное поведение является желательным для общества, необходимым и полезным. Для осознания и применения норм права государство в лице законодателя формулирует нормативные правила, которые должны соблюдаться гражданами, и их соблюдение формирует правомерное поведение. Для граждан, делающих выбор в пользу неправомерного поведения, государство вырабатывает средства защиты и охраны правоотношений, выражающиеся в применении различных санкций к нарушителям. В этом аспекте ведущими мотивами правомерного поведения могут оказываться страх и любовь, при этом страх позволяет удерживать от совершения правонарушений, а любовь, наоборот, удерживает в рамках правомерного поведения.

Мотив, преобладающий в качестве фундаментальной установки правомерного поведения, может служить мерилom ее нравственного воспитания, критерием наличия «...в нравственном воспитании личности... глубоко-

ких пороков...» [1, с. 296], делающих правомерное поведение личности реальным только при наличии мотива страха. Такая позиция представляется не вполне обоснованной, поскольку в условиях нарастающей интернетизации общества, социальной разобщенности «...формирование индивидуальности происходит случайным образом, исходя из предпочтений человека, и практически не соотносится с реальностью объективной» [6, с. 57]. Указанные особенности современного общества во многом определяют и сдвиг ценностного отношения личности к мотивам правомерного поведения. Так, Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина, проведя анкетирование 300 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет, сделали вывод о том, что 21 % опрошенных поступают правомерно исключительно из-за страха наказания [4, с. 32]. Действительно, для многих людей важным мотивом правомерного поведения является страх наказания, что соответствует и общей тенденции ужесточения наказаний, криминализации все большего количества деяний. Однако необходимо отметить, что страх не должен и не может оставаться единственным мотивом правомерного поведения, при этом можно согласиться, что страх как мотив правомерного поведения действует быстрее, чем любовь. Законодатель воспринял идею периодического ужесточения наказаний, подтверждая тезис о том, что страх становится преобладающим мотивом правомерного поведения. При этом перестают учитываться иные факторы правомерного поведения. В погоне за регулярным повышением размеров наказания, законодатель начинает переходить грань между уголовной и административной ответственностью. В частности, КоАП РФ устанавливает возможность наложения на должностное лицо штрафа за правонарушения в области безопасности дорожного движения в размере, приравненном к размеру штрафа, установленного уголовным законом (ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 267 УК РФ). То есть происходит смешение размеров налагаемых взысканий в принципиально различных видах юридической ответственности – уголовной и административной, «...соразмерность совершенного административного правонарушения его общественной опасности, причиненного ущерба...» [5, с. 98–99] перестает быть ведущим при определении меры наказания. При этом нарушается незыблемость уголовного закона как средства охраны наиболее значимых общественных отношений от посягательств, имеющих выраженную общественную опасность.

Отмечая негативность ужесточения наказаний, обратим внимание и на важность воспитательной работы как формирования превентивной

установки на правомерное поведение, мотивом которого может оказываться противоположная страху этическая категория – любовь. Конечно, любовь сложно идентифицировать в качестве мотива правомерного поведения, что, однако, не должно исключать возможности такой привязки. Любовь как мотив правомерного поведения основана на позитивной этической установке индивида, поступающего правомерно, без учета возможной меры ответственности за неправомерное поведение. Любовь как позитивная установка основана на внутреннем осознанном желании личности следовать установленным правилам и нормам.

Мотив правомерного поведения соотносится с социальной средой, которая «...оказывает глобальное влияние на поведение человека, на его мотивацию» [3, с. 9], и в конечном итоге человек либо соотносит свое поведение с нормативными требованиями и установками, либо оказывается за его гранью.

Под иным углом мотивы правомерного поведения исследуют А. В. Безруков, Н. Д. Гомонов. Указывая на мотивационное воздействие права, исследователи полагают, что это «субъективная сторона в реализации права характеризует отношение личности к реализуемым правовым требованиям, его установки и волю в момент совершения предписываемых действий» [2, с. 465]. Исходя из такого понимания, правомерное поведение, основанное исключительно на мотиве страха наказания, понимается как маргинальное правомерное поведение. Маргинальное правомерное поведение поддерживается действующими нормами права путем введения квалифицированных составов правонарушений по признаку повторности (повторный проезд на запрещающий сигнал светофора карается штрафом в пятикратном размере или лишением права управления транспортным средством), криминализация повторного правонарушения (повторное привлечение к ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним), увеличение размеров наказаний по различным статьям как тенденция развития КоАП РФ и т. д.

Современные исследования подтверждают связь между рецидивом и возрастом преступника (большее количество рецидивов среди впервые осужденных в возрасте до 25 лет), а также ослабляющуюся связь со временем, прошедшим с момента привлечения к уголовной ответственности (наибольший процент рецидивов в первый год после освобождения), и иные закономерности. Указанное в целом свидетельствует о недостижении цели строго уголовного преследования, о беспомощности государства пе-

ред правонарушителями и невозможности только на основе страха удерживать индивида от совершения новых преступлений и правонарушений.

Таким образом, государство оказывается вынужденным искать иные способы воздействия, которые должны стать мотивами правомерного поведения. К ним может быть отнесена любовь как безусловно позитивное чувство, как основа правомерного поведения, отличная от принуждения.

Библиографический список

1. *Агамиров К. В.* Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика : монография / К. В. Агамиров / под науч. ред. Р. В. Шагиевой. – Москва : Юркомпани, 2015. 408 с. – ISBN 978-5-91677-087-2.

2. *Безруков А. В.* Мотивация маргинального правомерного поведения / А. В. Безруков, Н. Д. Гомонов // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2002. – Т. 5, № 3. – С. 465–478.

3. *Липинский Д. А.* Психологические характеристики позитивной юридической ответственности / Д. А. Липинский // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 3(36). – С. 6–13.

4. *Липинский Д. А.* Субъективные признаки позитивной юридической ответственности / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 29–39.

5. *Мусаева Г. М.* Административное наказание: понятие и его цели / Г. М. Мусаева, А. М. Загидиев // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2018. – Т. 33, вып. 2. – С. 97–104.

6. *Пудикова А. А.* Формирование индивидуальности в среде «Интернет»: онтологический аспект / А. А. Пудикова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 55–58.

Л. В. Готчина,

заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор

Современные криминологические тенденции преступности несовершеннолетних и молодежной преступности в России

Аннотация. Рассматриваются современные криминологические тенденции преступности несовершеннолетних и молодежной преступности в России, а также детерминационные процессы, влияющие на ее развитие. Определены перспективы преступности несовершеннолетних и молодежи, а также преступности, совершаемой в отношении них. На основе анализа существующего состояния профилактики преступности несовершеннолетних и молодежи предлагаются основные направления противодействия анализируемым преступным деяниям.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, молодежь, противодействие преступности, латентность, борьба с преступностью, причины и условия преступности.

Несовершеннолетние и молодежь становятся жертвами различных преступлений и вовлекаются в их совершение. Этот процесс в России набирает обороты. И хотя официальная статистика последних лет констатирует спад преступности несовершеннолетних, он представляет собой только «вершину айсберга». Основная его часть скрыта, что объяснимо следующими обстоятельствами.

Во-первых, в связи с всеобщей компьютеризацией молодое поколение избирает новые формы организации досуга, с которыми связаны и новые методы совершения преступлений. Так, с увеличением криминогенности информационного пространства совершение наркопреступлений осуществляется через «безконтактных сбытчиков». Организованные преступ-

ные группы давно используют малолетних и подростков в качестве исполнителей преступлений. Сама наркопреступность сегодня представляет собой хорошо отлаженную высокоорганизованную многоэтапную скоррumpированную, высокодоходную, специализирующуюся деятельность, нацеленную на группы «молодежь», «подростки» и «малолетние» и преобладающе совершаемую представителями этих же групп.

Необходимо отметить, что информационное пространство вызывает у ее постоянных пользователей новые формы зависимостей от самих информационно-телекоммуникационных сетей, воздействует на неограниченное число несовершеннолетних и молодежи и приводит к суицидам, нарастанию агрессии, совершению насильственных преступлений. То есть компьютерная информационная среда формирует зависимости, в этом и заключается повышенная общественная опасность преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Через коммуникации хорошо реализуется преступность «против нации», направленная на уничтожение, самоуничтожение подрастающего российского населения. Ряд сайтов содержит информацию, направленную на занижение самооценки несовершеннолетних и молодежи, подавление стремления к лучшему, склонение к самоубийству. Как результат – суициды, корыстно-насильственные преступления.

Кроме того, беспризорные несовершеннолетние входят в группу риска, при определенных условиях могут стать потерпевшими от насильника или быть вовлечены в организацию занятия проституцией.

Идея «легализации оружия» и насаждаемая идеология насилия выступают факторами воспроизводства преступлений против общественной безопасности, и криминальных сделок с оружием, которые преобладающе совершаются молодежью и в отношении них. При этом у несовершеннолетних формируется представление о том, что насилие – единственный метод получения желаемого.

Современная российская молодежная преступность высоколатентна. Фактором, повышающим ее уровень, является проблема кадрового устройства и низкой оплаты труда специалистов, которые вынуждены работать на криминальные структуры, обеспечивающие получение высокого дохода. Одно из актуальных направлений «криминальных программистов, айтишников» – это массовые заведомо ложные сообщения об актах терроризма, в последнее время наполнивших правоохранительный эфир Санкт-Петербурга, Москвы и других городов.

Во-вторых, втягивание в криминальный бизнес молодежи связано с их социальной неустроенностью и отсутствием финансовой стабильности в жизни, невостребованного полученного высшего образования или востребованного, но низкооплачиваемого. Соответственно, отсутствие, как правило, в таком возрасте семьи также является фактором молодежной преступности. При этом многолетний постулат, что семья является лучшим фактором сдерживания от преступности и иных форм отрицательных девиаций, еще актуален для России. Именно потому западное лоббирование отрицания семьи как таковой, насаждение у нас западной концепции «гражданского однополного брака» разрушают многовековые нравственные устои российского общества и способствуют криминализации населения. Одним из механизмов насаждения такой концепции является попытка лоббирования законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия».

Неуплата средств на содержание детей (алиментов), мошеннические действия с материнским капиталом со стороны родителей – факторы формирования девиантного и преступного поведения несовершеннолетних. Отсутствие любви и внимания, низкий уровень финансового содержания, обеспечивающего минимальные естественные потребности, формируют армию возможных уголовников и вероятных жертв преступности.

Российские перспективы преступности несовершеннолетних и молодежи, а также преступности, совершаемой в отношении них, следующие:

1) всплеск латентной преступности, вызванный требующим реформирования состоянием системы правоохранительных органов. Задействование ее сотрудников не по назначению (контроль масочного режима) существенно снижает уровень предупредительной работы и работы по выявлению преступлений. Официальная статистика это подтверждает: в условиях социально-экономического обострения условий жизни населения резко снизились показатели зарегистрированной преступности;

2) преступность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей расширит свои границы, спровоцирует рост спроса на наркотики, оружие, секс-услуги. Для его реализации по законам рынка увеличится число незаконных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, привлечения несовершеннолетних к легким заработкам за продажу своего тела. Эти деяния увеличат процентную долю в структуре латентной преступности;

3) в условиях нарастающей агрессии увеличится число насильственных преступлений, совершаемых в том числе женщинами, подростками, молодежью, в семейной сфере; характер насильственной преступности бу-

дет более дерзкого и циничного уровня. Криминальная хроника февраля 2021 г. уже имеет массу примеров: задержание обидчика медсестры в Санкт-Петербурге за удар ножом из-за полутора тысяч рублей [3]; двух подростков в Москве за избивание битой пассажиров в метро [2]; матери, которая привезла детей (2 и 10 лет) ночью в лес и раздела догола на морозе, оставив замерзать после семейного скандала [1];

4) актуализируется «доведение до самоубийства», в первую очередь путем систематического унижения человеческого достоинства потерпевших «гражданскими» супругами, родителями и законными представителями, другими близкими родственниками, преступниками «против нации»;

5) всплеск корыстной преступности, факторами которой в первую очередь будут являться ипотечные долги и кредитная кабала. В частности, увеличение количества мошеннических посягательств уже зарегистрировано, особенно с использованием электронных средств платежа и внедрением в социально обеспечительные правоотношения (материнский капитал, социальные выплаты). Увеличится число разбоев, грабежей и потерпевших от них среди лиц пенсионного возраста и несовершеннолетних (телефоны, карманные деньги);

б) прогнозируется рост корыстно-насильственного рецидива;

7) характер российской преступности сохранится корыстно-насильственным с устоявшимися организованными формами (наркобизнес, торговля людьми, их телом и органами, оружием, заказная преступность);

8) укрепится организованная преступность, в ее деятельность вовлекут неустроившихся выпускников вузов, социально не защищенных подростков и молодежь; вырастет спрос на оружие из-за увеличения потребности населения в обеспечении своей безопасности.

Библиографический список

1. *Абрамов А.* Детей, которых мать пыталась заморозить в лесу в Новой Москве, взяли под опеку / А. Абрамов // Комсомольская правда. – 2021. – 10 марта.

2. В Москве задержали двух подростков, избивших битой пассажиров в метро. – URL: <https://ria.ru/20210216/zaderzhanie-1597670468.html> (дата обращения: 18.04.2021).

3. Полиция задержала обидчика медсестры на проспекте Большевиков. Ее ударили ножом из-за полутора тысяч рублей. – URL: <https://www.fontanka.ru/2021/02/69772904/> (дата обращения: 18.04.2021).

Р. В. Закомолдин,

доцент кафедры уголовного права и процесса

Тольяттинского государственного университета

кандидат юридических наук, доцент

Криминологическая политика и политика противодействия преступности: соотношение категорий*

Аннотация. Анализируются вопросы, отражающие противодействия преступности в контексте соотношения категорий «криминологическая политика» и «политика противодействия преступности». Сделаны выводы о том, что политика противодействия преступности объединяет в себе как правовые, так и неправовые меры, направленные на реагирование, пресечение и предупреждение преступности. Криминологическая (социально-криминологическая) политика, в свою очередь, является одним из ее составных элементов. При этом политика предупреждения преступлений и политика реагирования на преступления, равно как и их составные элементы, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Ключевые слова: криминология, уголовная политика, государство, преступность, уголовное право, криминализация, общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение, пенализация, профилактика преступности, детерминация преступности.

В современных криминогенных условиях востребованы научно обоснованные реализуемые государством при содействии общества стратегия и тактика противодействия преступности. Эта деятельность должна обладать признаками политики и быть криминологически обоснованной [1, с. 13–14]. Вместе с тем эксперты констатируют, что такая политика в нашей стране либо отсутствует [5], либо находится в глубоком кризисе [1, с. 13–59; 10; 11].

© Закомолдин Р. В., 2021

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

Исследователи такую политику определяют как *деятельность (направление деятельности) государства* в сфере борьбы с преступностью, обозначающую основные направления, цели и средства, стратегию и тактику воздействия на преступность [15, с. 4–9]. При другом подходе, исходя из определения политики как *совокупности идей, взглядов, представлений, положений* [2] или как «совокупности целей, направлений, норм, методов и принципов деятельности государства» [12, с. 3], указывается на ее социальные обусловленность, назначение и цели [4, с. 4], соотношение с иными видами политики [8, с. 3–4], комплексность данного явления [3, с. 32].

Полагаем, следует исходить из существа проблемы и особенностей содержания данного вида деятельности. С этих позиций нельзя не признать, что объективно существующая необходимость охраны национальной безопасности от преступности неизбежно обуславливает соответствующие направление деятельности государства и направление (вид) государственной политики – *политику противодействия преступности* [6, с. 86]. Поскольку такая деятельность предполагает обязательное использование как специальных, так и общесоциальных мер, не имеющих специальной направленности, но обладающих важным предупредительным ресурсом, более точным было бы именовать весь комплекс соответствующих мер *мерами противодействия преступности*.

Политика противодействия преступности основана на установках о том, какой должна быть по своему характеру и содержанию политика государства в отношении преступности, на каких принципах, для каких целей, какими методами и средствами, по каким основным направлениям и в каких формах она должна реализовываться. Она нацелена на минимизацию преступности, сведение ее до уровня, когда та «перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять» [14, с. 24].

Политика противодействия преступности имеет относительно самостоятельные направления реализации. Обычно выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и криминологическую политику [7, с. 7]. Однако перечисление таких категорий в одном ряду спорно, поскольку этого нельзя сделать по единому критерию. Полагаем, уместно выделение элементов политики противодействия преступности на основе объективных критериев.

Политика противодействия преступности имеет две формы (направления) реализации: а) *политика предупреждения преступлений (социально-криминологическая политика)*; б) *политика реагирования на преступления* [6, с. 92].

Политика предупреждения преступлений предполагает наиболее эффективное воздействие на причины и условия преступности с целью ее предупреждения (сдерживания, сокращения) [9, с. 31]. Обеспечивается это посредством общесоциальных и специальных мер, что дает основание для выделения общесоциального и специального предупреждения преступлений.

Полагаем, что именно это направление именуется *криминологической политикой* [13]. Однако более точным будет назвать ее *социально-криминологической*.

Политика реагирования на преступления предполагает поиск, разработку, исследование и применение наиболее рациональных и эффективных специальных мер в рамках реакции государства на факт совершения преступления. Сущность этой реакции заключается в оценке как самих лиц, так и содеянного ими, и сопровождается применением предусмотренных законом мер уголовно-правового воздействия.

Уместно говорить о взаимосвязанных формах ее реализации: а) формальное (нормативное) определение деяния как преступления; б) официальное расследование содеянного, осуществление правосудия; в) исполнение мер уголовно-правового воздействия и последующая реабилитация преступника.

Первая – это реализуемая в сфере уголовного права на базе уголовного закона *уголовно-правовая политика*, в рамках которой решаются вопросы криминализации и пенализации. Вторая – реализуемая в сфере уголовно-процессуального права и законодательства *уголовно-процессуальная политика*, определяющая цели, принципы, основные направления деятельности субъектов правоприменения. Третья – реализуемая в сфере уголовно-исполнительного права и законодательства *уголовно-исполнительная политика*, выражаемая в разработке и реализации стратегии и тактики в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия и ресоциализации.

Таким образом, политика реагирования на преступления предусматривает обязательную нормативно-правовую основу. Разумеется, ее структурирование условно, каждая из форм есть проявление единой политики в

обозначенной сфере. При этом все формы взаимосвязаны и предполагают комплексное использование.

В целом же политика противодействия преступности объединяет в себе как правовые, так и неправовые меры, направленные на реагирование, пресечение и предупреждение преступности. Криминологическая (социально-криминологическая) политика в свою очередь является одним из ее составных элементов. При этом политика предупреждения преступлений и политика реагирования на преступления, равно как и их составные элементы, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Библиографический список

1. *Алексеев А. И.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – Москва : Норма, 2006. – 143 с. – ISBN 5-468-00027-X.

2. *Беляев Н. А.* Уголовная политика на современном этапе / Н. А. Беляев // Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / [Н. А. Беляев, В. К. Глистин, В. В. Орехов и др.]. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. – С. 12–13. – ISBN 5-288-00624-5.

3. *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С. С. Босхолов. – Москва : ЮрИнфоР, 1999. – 293 с. – ISBN 5-89158-035-7.

4. *Гаухман Л. Д., Ляпунов Ю. И.* Понятие советской уголовной политики и ее основные направления / Л. Д. Гаухман, Ю. И. Ляпунов. – Москва : Акад. МВД России, 1980.

5. *Гишинский Я.* Уголовная политика Российской Федерации: to be or not to be? / Я. Гишинский // Досье на цензуру. – 2003. – № 18(23). – С. 31–41.

6. *Дуюнов В. К.* Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография / В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. – Москва : РИОР, 2020. – 244 с. – ISBN 978-5-369-02045-6.

7. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. – 240 с.

8. *Кузнецов А. В.* Понятие и социальная ценность основополагающих принципов советской уголовной политики / А. В. Кузнецов // Вопросы

борьбы с преступностью. – Москва : Юрид. лит., 1984. – Вып. 40. – С. 3–12.

9. *Лопашенко Н. А.* Криминологическая политика: понятие, содержание, методы, формы реализации / Н. А. Лопашенко // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика / под ред. проф. А. И. Долговой. – Москва : РКА, 2002. – С. 30–35.

10. *Милюков С. Ф.* Кризис уголовной политики. Диагноз: острая криминологическая недостаточность / С. Ф. Милюков // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Рос. конгр. уголов. права, 31 мая – 1 июня 2018 г. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – С. 433–437.

11. *Мишин Г. К.* О методологических предпосылках преодоления кризиса российской уголовной политики / Г. К. Мишин // Уголовное право в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., 31 мая – 1 июня 2001 г. – Москва : Лекс-Эст, 2002. – С. 187–190.

12. *Перминов О. Г.* Теоретические основы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О. Г. Перминов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 246–262.

13. *Побегайло Э. Ф.* Уголовная политика современной России: концептуальный подход / Э. Ф. Побегайло // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. – Москва : Проспект, 2008. С. 464–468. – ISBN 978-5-392-00279-5.

14. *Сухарев А. Я.* Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель / А. Я. Сухарев, А. И. Алексеев, М. П. Журавлев. – Москва : НОРМА, 1997. – 64 с. – ISBN 5-89123-194-8.

15. *Тер-Акопов А. А.* Уголовная политика Российской Федерации : учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. – Москва : МНЭПУ, 1999. – 58 с.

В. А. Робак,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Крымского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации

кандидат юридических наук, доцент

Меры противодействия незаконному обороту оружия

Аннотация. Рассматривается проблема обеспечения безопасности граждан, охраны их жизни и здоровья, личной неприкосновенности посредством усиления мер противодействия незаконному обороту оружия. Автор отстаивает позицию комплексного подхода, который заключается в своевременном выявлении и расследовании криминальных деяний в данной сфере, а также в реализации мер, направленных на их предупреждение. В частности, речь идет о необходимости ужесточения: требований к деятельности организаций, в которых имеет место оборот оружия; порядка повторного получения лицензии путем увеличения сроков; требований проверок деятельности таких организаций (в том числе исключение формализма при их прохождении); требований к кадровому составу, который непосредственно задействован в обороте оружия таких организаций; порядка лишения лицензий в случае нарушений, предусмотренных законодательством.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, общесоциальная профилактика, специальная профилактика, индивидуальная профилактика, идеологические меры, средства массовой информации, МВД России, законодательство.

Проблема обеспечения безопасности граждан, охраны их жизни и здоровья, личной неприкосновенности является одним из основных направлений социальной политики России. Сегодня планомерному развитию правового государства мешает довольно высокий уровень преступности, негативные изменения ее количественных и качественных показате-

лей. Наибольшую тревогу вызывает тенденция к распространению тяжких насильственных преступлений, среди которых крайне опасными являются такие, которые совершаются с использованием оружия, особенно огнестрельного. Такие преступления всегда вызывают широкий резонанс, порождают у населения чувство страха, неуверенности в будущем, незащищенности своей жизни и жизни близких людей.

Проведенные исследования показывают, что незаконный оборот оружия не только не уменьшается, несмотря на то, что правоохранительные органы принимают активные меры по борьбе с ним, а имеет устойчивую тенденцию к росту. Кроме того, в отличие от ряда иных посягательств, данный рынок имеет относительно большую доступность и значительно меньшую степень разоблачения со стороны правоохранительных органов.

Противодействие незаконному обороту оружия требует комплексного подхода, который заключается в своевременном выявлении и расследовании криминальных деяний в рассматриваемой сфере, а также и в реализации мер, направленных на их предупреждение [2, с. 51].

В современной мировой криминологии традиционно выделяют три уровня предупреждения преступности и ее отдельных видов: общесоциальная профилактика, специальная профилактика, индивидуальная профилактика [1, с. 512–514].

Среди общесоциальных мер профилактики, направленных, в частности, на предупреждение незаконного оборота оружия необходимо выделить меры социально-экономического характера. Они направлены на устранение, ослабление или нейтрализацию факторов, которые приводят к снижению уровня жизни граждан и резкому социальному расслоению общества.

К ним также относятся соответствующие идеологические меры, которые призваны формировать у членов общества моральное сознание на базе общечеловеческих ценностей, ограничивать негативное влияние на поведение людей стандартов массовой культуры. Применительно к преступности в сфере незаконного оборота оружия эти меры должны быть направлены в первую очередь на формирование у населения негативного отношения к совершению любых подобных противоправных действий, а особенно к применению указанных предметов. Реализовать названные ме-

ры, по нашему мнению, можно путем пропаганды через средства массовой информации (демонстрации сюжетов, репортажей и т. п.) недопустимости совершения анализируемых преступлений с разъяснениями положений действующего законодательства об ответственности за них, а также усиления контроля за деятельностью средств массовой информации.

Среди специально-криминологических мер профилактики незаконного оборота оружия, по нашему мнению, необходимо выделить следующие.

Целесообразно изменить процедуру оформления и продления срока действия разрешений на приобретение, хранение и ношение оружия, требующего данного разрешения. Совершенствование законодательной базы, по нашему мнению, должно заключаться в пересмотре возраста, с которого разрешено приобретение оружия и процедуры получения разрешения, в частности, усиления требований медицинского контроля (предусмотрение обязательности прохождения собеседования с психологом).

Следующей мерой является необходимость ужесточение требований, предъявляемых к деятельности организаций, где имеет место оборот оружия, в частности, ужесточение: порядка повторного получения лицензии путем увеличения сроков; требований проверок деятельности таких организаций (в том числе исключение формализма при их прохождении); требований к кадровому составу, который непосредственно задействован в обороте оружия таких организаций; порядка лишения лицензий в случае нарушений, предусмотренных законодательством.

Следует также усилить контроль над изъятыми или конфискованными предметами, особенно в части его уничтожения или реализации путем ужесточения ответственности лиц, уполномоченных на осуществление данного контроля.

Целесообразным видится увеличение количество мероприятий, проводимых уполномоченными органами и направленных на обеспечение добровольной сдачи оружия лицами, у которых оно находится на незаконных основаниях. В частности, необходимым является пересмотр размера выплат денежных средств за добровольную возмездную сдачу незаконно хранящихся у них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Кроме того, в настоящее время в МВД России созданы региональные базы, где аккумулируется информация об оружии, выявленном либо попавшем в незаконный оборот в отдельном регионе, и единая федеральная база, в которую попадают сведения из всех региональных баз. Однако в Министерстве обороны Российской Федерации подобные базы отсутствуют. Там существуют только учеты, которые не связаны между собой. Например, учет оружия, отгруженного с завода, учет перемещения оружия в отдельной воинской части. В связи с вышеизложенным актуальным является вопрос разработки и внедрения единой межведомственной информационной системы по учету похищенного, утраченного и разыскиваемого в стране вооружения и соотношение данной системы с учетами, которые имеют место в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Необходимой мерой предстает повышение качества подготовки молодых специалистов для работы в правоохранительных органах, а равно совершенствование системы повышения квалификации и переподготовки действующих кадров, в частности, исключение формального подхода.

Эффективной мерой является проведение операций по пресечению незаконных раскопок оружия, оставшегося со времен Великой Отечественной войны. Как показали результаты интервьюирования сотрудников правоохранительных органов, операции по пресечению раскопок оружия не проводятся или проводятся с периодичностью один раз в несколько лет. В целях борьбы с данным негативным явлением необходимо организовать должную работу по проведению указанных операций и контроль со стороны руководства правоохранительных органов за этой работой.

Помимо прочего, требуется принятие единого межведомственного документа на уровне центральных аппаратов различных ведомств, регламентирующего взаимодействие в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия.

Индивидуальные специально-криминологические меры профилактики незаконного оборота оружия, по нашему мнению, необходимо осуществлять в отношении следующих категорий лиц: осужденные за совершение преступлений с применением оружия; имеющие тесные контакты с лицами (близкие родственники, состоящие в свойстве, и т. п.), которые были осуждены за совершение преступлений в сфере незаконного оборота оружия либо за совершение преступлений с применением оружия; имею-

щие склонность к совершению преступлений, особенно насильственной направленности; подавшие заявление о выдаче разрешения на хранение оружия; имеющие оружие на законных основаниях; имеющие полномочия в соответствии с должностными или функциональными обязанностями совершать какие-либо действия с оружием (ношение, хранение, учет, перевозка, ремонт и т. п.).

В заключение отметим, что для эффективного противодействия незаконному обороту оружия указанные меры рационально применять в комплексе.

Библиографический список

1. *Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2014. – 574 с. – ISBN 978-5-905966-35-4.

2. *Жубрин Р. В.* Противодействие незаконному обороту оружия / Р. В. Жубрин, О. А. Евланова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 1(69). – С. 49–54.

А. В. Кисляков,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
юридического института Владимирского
государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
юридического факультета Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат юридических наук

**Медико-социальная реабилитация осужденных
с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости,
как эффективный инструмент достижения целей наказания**

Аннотация. Тезисы раскрывают актуальность применения мер медико-социальной реабилитации лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Формирование правовых и организационных основ института медико-социальной реабилитации исследуемой категории лиц позволит существенно повысить эффективность достижения целей наказания.

Ключевые слова: психические расстройства, не исключающие вменяемости, осужденный к лишению свободы, медико-социальная реабилитация, исправительное учреждение.

Уголовно-исполнительная система России в последние десятилетия претерпела ряд серьезных системных (правовых и организационных) преобразований. Этому способствовали отдельные этапы формирования, установления и реализации уголовно-исполнительной политики [1]. Напомним, что одна из основных целей ранее действовавшей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года была связана с сокращением рецидива преступлений, совер-

шенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам [3]. Особую группу лиц, которые прежде всего нуждаются в специализированном социальном и психологическом сопровождении, составляют осужденные к лишению свободы, страдающие социально значимыми заболеваниями, в том числе психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. В отношении указанной категории лиц государство обязано принимать правовые и организационные меры так, чтобы они способствовали эффективному восстановлению здоровья и достижению цели предупреждения преступлений. Ныне действующая Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года не ставит перед собой цели сокращения рецидивной преступности, но ограничивается только понятием «профилактика совершения преступлений» [4].

Сохраняющаяся в последние годы повышенная концентрация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях и страдающих психопатологией, является серьезной пенитенциарной проблемой. Исправление указанной категории лиц зависит от эффективности применяемых средств исправления и мер медико-социальной реабилитации. Организация специализированной помощи больным осужденным является важной задачей не только исправительного учреждения, но и персонала, непосредственно участвующего в работе с осужденным. В настоящее время, несмотря на достаточно сложную нозологическую структуру психических расстройств и расстройств поведения осужденных к лишению свободы, предусмотренных МКБ-10 [2], вопросы медико-социальной реабилитации в полном объеме остаются пока не решенными. Отчасти можно говорить об отдельных реабилитационных мероприятиях, которые предусмотрены для осужденных-инвалидов и осужденных, больных наркоманией, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания. Для осужденных к лишению свободы, страдающих такими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, как: расстройство личности (психопатия), олигофрения в степени легкой дебильности, остаточные явления черепно-мозговых травм, органические заболевания центральной нервной системы, сосудистые заболевания головного мозга с когнитивными изменениями, шизофрения в степени стойкой ремиссии, эпилепсия, наркомания, алкоголизм,

иные болезненные состояния психики (неврозы, расстройство сексуального предпочтения (педофилия) и другие, – вопросы их медико-социальной реабилитации в условиях исправительных учреждений требуют своего решения.

По нашему мнению, указанные расстройства нуждаются в комплексном и целенаправленном использовании медицинских, социальных, психологических, образовательных, трудовых и других мероприятий, которые необходимо проводить в целях достижения максимального эффекта в исправлении осужденного и предупреждения совершения новых противоправных деяний. В то же время возможность проведения медико-социальной реабилитации позволяет больному осужденному в полном объеме реализовать свое конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ).

Согласно официальным данным ФСИН России, по состоянию на 1 января 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 44,1 % осужденных к лишению свободы, больных социально значимыми заболеваниями. При этом 43,5 % от общего их числа – это лица, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в том числе алкоголизмом и наркоманией [5]. Высокий удельный вес рассматриваемой категории осужденных удерживается последние несколько лет. Даже на фоне снижения общего числа осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, динамика удельных показателей лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, имеет положительный тренд. Не сложно сделать вывод о том, что современный криминальный состав осужденных требует создание эффективной модели медико-социальной реабилитации, которая должна сопровождать больного осужденного как в период его нахождения в исправительном учреждении, так и после отбывания наказания. Указанный механизм, во-первых, позволит реально организовать в отношении данных лиц медицинскую и социальную реабилитацию, во-вторых, будет способствовать их адаптации к условиям жизни в постпенитенциарный период, в-третьих, обеспечит безопасность охраняемых государством общественных отношений.

Приходится констатировать, что, несмотря на сокращение «тюремного населения» страны за последние 20 лет более чем в 2 раза [5], современное общество по-прежнему поражено явлением рецидивной преступ-

ности, которая по оценкам некоторых исследователей превышает показатель в 50 % от общего числа всех регистрируемых противоправных деяний. Запросы общества на свое безопасное существование и достойное развитие не могут быть удовлетворены посредством преобразований, проводимых в уголовно-исполнительной системе в целях секвестирования бюджетных средств, выделяемых для содержания лиц в местах принудительной изоляции, а также сокращения числа исправительных учреждений. В центре уголовно-исполнительной политики должен находиться человек, хотя и преступивший закон, но готовый вернуться в общество для продолжения своей жизнедеятельности при поддержке всех институтов государственной власти и гражданского общества. Этому может способствовать формирование комплексной системы медико-социальной реабилитации лиц, больных психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Библиографический список

1. *Грушин Ф. В.* Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / В. Ф. Грушин ; под науч. ред. В. И. Селиверстова. – М. : Инфра-М, 2017. – 208 с. – ISBN 978-5-16-012921-1.

2. О переходе органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра (вместе с «Планом основных мероприятий по переходу органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на МКБ-X на 1997–1998 годы», «Программой обучающего центра по внедрению международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра») : приказ Минздрава России от 27 мая 1997 г. № 170 // Здравоохранение. – 1997. – № 7.

3. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.

4. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 10.05.2021).

5. Путин назвал революционным событием двукратное уменьшение числа заключенных в РФ за 20 лет. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7837011> (дата обращения 16.06.2021).

6. Статистические данные ФСИН России (форма ФСИН-1, разд. 6 «Сведения об отдельных социально значимых заболеваниях среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных») за 2019 г. – URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 16.06.2021).

С. А. Хохрин,

доцент кафедры уголовного права
Института Академии ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

Состояние пенитенциарной преступности и горизонты развития криминопенологии

Аннотация. Анализируются состояние пенитенциарной преступности и горизонты развития криминопенологии. Автор обращает внимание на отягощение количественных и качественных показателей пенитенциарных преступлений. Особое внимание уделено высокой степени латентности преступности в местах лишения свободы, повышению криминальной активности осужденных. Предложены пути совершенствования уголовной политики, связанные с организацией комплексного подхода к предупреждению пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: криминопенология, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Концепция развития уголовно-исполнительной системы, пенитенциарная преступность, места лишения свободы, осужденные, предупреждение преступности.

В конце 80-х гг. прошлого века получает свое развитие учение криминопенология. Одним из ее основателей является доктор юридических наук, профессор, почетный вице-президент Российской криминологической ассоциации О. В. Старков. По мнению основоположника русской криминопенологии, к предмету исследуемых этой отраслью закономерностей относятся развитие пенальных преступлений и пенальное преступное поведение, особенности причин и условий их возникновения, а также вопросы их профилактики [3]. Местом совершения указанных преступлений являются пенитенциарные учреждения, в которых исполняется наказание в виде лишения свободы.

По данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, лишение свободы как вид наказания, оставаясь одним из са-

мых распространенных, составляет не более 29 % от общего числа приговоров [7]. Это, естественно, влияет на численность осужденных. Например, по состоянию на 1 января 2021 г. в пенитенциарных учреждениях содержалось немногим более 350 тыс. чел., что на 49 % меньше, чем в 2010 г. (на 1 января 2010 г. – более 700 тыс. чел.) [2].

Ранее президентом Российской криминологической ассоциации заслуженным юристом РСФСР доктором юридических наук, профессором А. И. Долговой в статье «Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность» было обращено внимание на то, что преступность является системным массовым явлением, и для ее предупреждения необходимо рассматривать в том числе и проходящие в обществе социальные процессы [1].

Преступления, совершаемые в процессе реализации наказания в виде лишения свободы, характеризуются высокой степенью общественной опасности и всегда сопровождаются общественным резонансом, активно освещаются в средствах массовой информации, являются поводом для обращений правозащитных и общественных организаций в органы публичной власти, а для нейтрализации последствий от совершения рассматриваемых преступлений затрачиваются значительные силы и средства. Повсеместно факты совершенных пенитенциарных преступлений негативно влияют на достижение целей уголовного наказания, осложняют оперативную обстановку в исправительных учреждениях, подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) и государства в целом.

Реализация Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года не привела к оздоровлению криминогенной ситуации в исправительных учреждениях, как того добивалась ФСИН России. Так, коэффициент преступности в исправительных колониях в расчете на 1 000 осужденных вырос более чем в два раза: с 1,2 в 2011 г. до 2,6 в 2020 г. Произошедшее качественное ухудшение показателей пенитенциарной преступности обусловлены концентрацией в исправительных учреждениях осужденных, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и вновь преступивших уголовный закон в период строгой изоляции от общества (пенитенциарный рецидив).

Официальные статистические данные ФСИН России подтверждают установленную закономерность ростом количественных показателей преступности в исправительных учреждениях. Так, количество преступлений, совершенных осужденными в 2011–2020 гг., увеличилось на 32,9 % (в 2011

г. – 888, в 2012 г. – 959, в 2013 г. – 971, в 2014 г. – 857, в 2015 г. – 953, в 2016 г. – 948, в 2017 г. – 971, в 2018 г. – 1 024, в 2019 г. – 1 172, в 2020 г. – 1 181) [5, 6].

Показательно, что в аналогичный период количество преступлений, совершенных сотрудниками УИС в связи с выполнением ими служебных обязанностей, также характеризуется увеличением на 17,8 % (в 2011 г. – 336, в 2012 г. – 475, 2013 г. – 456, 2014 г. – 357, 2015 г. – 377, 2016 г. – 374, 2017 г. – 381, 2018 г. – 363, 2019 г. – 398, 2020 г. – 396). Обращаем внимание на тот факт, что негативная динамика зарегистрированных преступлений, совокупно совершенных осужденными и сотрудниками УИС, происходит на фоне значительного сокращения количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, как было показано выше, и проведенной оптимизации численности сотрудников, сопровождавшейся ее сокращением на 29,8 %: с 258 051 в 2010 г. до 198 789 на конец 2020 г. [2].

Оптимизация сопровождалась не только снижением численности личного состава УИС, поскольку, помимо обеспечения законности исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, ФСИН России решался ряд задач, дополнительно возложенных Правительством Российской Федерации: а) по созданию пенитенциарных учреждений на территории Республики Крым; б) введению нового вида уголовного наказания – принудительных работ; в) обеспечению контроля за страдающими наркоманией; г) реализации мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста; д) охране объектов территориальных органов Минюста России.

Кроме того, ФСИН России за счет имеющейся штатной численности была осуществлена реализация федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», обеспечивается исполнение федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)», соответственно утвержденными постановлениями Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 540 и от 6 апреля 2018 г. № 420, а также осуществляются возложенные на ФСИН России задачи по охране судебно-психиатрических экспертных медицинских организаций Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Приведенные выше данные уголовной статистики зарегистрированных пенитенциарных преступлений на первый взгляд могут показаться не-

значительными. Однако существует ряд определенных показателей, которые позволяют утверждать о высокой степени латентности преступности в местах лишения свободы. Например, количество сотрудников, допустивших неслужебные связи, с 2014 по 2020 г. увеличилось в 9 раз (в 2014 г. – 120; в 2020 г. – 1 140); случаев применения насилия в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений со стороны осужденных – на 23 % (в 2014 г. – 187; в 2020 г. – 243); количество лидеров и активных участников групп отрицательной направленности в пенитенциарных учреждениях – на 6,4 % (в 2014 г. – 1 536, в 2020 г. – 1 642). Факты сокрытия правонарушений и преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, приняли системный характер, который стал устраивать как осужденных, пытающихся добиваться послабления режима отбывания наказания посредством коррупции, угроз и насилия, так и персонал, стремящийся создать видимость законности и благополучия в исправительном учреждении.

Пенитенциарная система оказалась не готова обеспечить достижение целей наказания в условиях новой реальности: повышения криминальной активности осужденных, обусловленной ростом более чем в полтора раза в течение последних 10 лет числа осужденных, отбывавших наказание в виде лишения свободы три и более раза (их удельный вес составляет свыше 30 % от общего количества осужденных); увеличения численности осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность, продолжающих радикализироваться и организовываться в целях дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений.

Организация комплексного подхода к предупреждению пенитенциарной преступности, совершенствование стратегического планирования в рамках реализации обеспечения пенитенциарной безопасности регламентированы в рамках двух документов, утвержденных Правительством Российской Федерации: во-первых, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением от 29 апреля 2021 г. № 1138-р; во-вторых, Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684 [4].

В заключение отметим наличие объективной потребности в разработке эффективных мер, направленных на пресечение преступного поведения осужденных, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений в исправительных учреждениях, а

также оказание воспитательного воздействия на осужденных, в том числе альтернативных систем социального реагирования на угрозы пенитенциарной безопасности и использование возможностей цифровых технологий в пенитенциарных целях.

Библиографический список

1. Долгова А. И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность / А. И. Долгова // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 6(23). – С. 9–19.

2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 27.05.2021).

3. Орлов В. Н. Понятие, предмет, методы и система криминопенологии / В. Н. Орлов // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета : сб. науч. тр. – Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2004. – Вып. 6. – С. 149–167.

4. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) : [утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 31 дек. 2020 г. № 3684-р]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/skzOODEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf> (дата обращения 14.03.2021).

5. Сведения о состоянии законности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : отчеты ФСИН России по форме ФСИН-7 за 2009–2020 гг. – Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

6. Сведения о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях ИУ: отчеты ФСИН России по форме 2-УИС за 2009–2020 гг. – Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

7. Уголовное судопроизводство. Применение основной и дополнительной меры наказания // Судебная статистика РФ : [сайт]. – URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/12/s/8> (дата обращения: 27.05.2021.).

А. В. Поливанов,

аспирант Института государства и права
Тюменского государственного университета

Основания криминализации пранка

Аннотация. Анализируется новая форма девиантного поведения – пранк. Автор приходит к выводу, что пранк является общественно опасным деянием, в связи с чем предлагает признать его составообразующим признаком отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: пранк, Интернет, криминализация, видеохостинг, видеоблогер, девиантное поведение, уголовная ответственность.

С началом XXI в. общество охарактеризовалось социальными прогрессами, в своей повседневной жизни стало активно использовать всемирную информационную компьютерную сеть «Интернет» для получения и распространения информации, что послужило причиной и благоприятным условием порождения пранка как социального явления.

В сети «Интернет» существует множество видеохостингов: YouTube, Rutube, Instagram, Facebook, Вконтакте и т. д., – как условие и метод самовыражения (самопрезентации).

С момента появления видеохостингов в сети «Интернет» в мире появилась новая профессия под названием «видеоблогер».

На видеохостингах имеется множество различных социальных контентов, и для получения хайпа и заработка видеоблогеры выбирают контент, который под видом шутки, розыгрыша содержит в себе неуважительные, а нередко аморальные и в какой-то степени общественно опасные и противоправные методы, которые они демонстрируют в обществе при создании видеоролика. Такой контент в Интернете называется пранком.

Пранк – это новая социально-правовая проблема, не дошедшая до законотворческого урегулирования и правового обоснования, так как не отражается ни в одном нормативно правовом акте Российской Федерации, а также не является предметом криминологического исследования.

Пранк (prank) в переводе с английского языка означает «шалость, шутка, выходка, проказа». Лица, практикующие пранк, в обществе именуются пранкерами [5].

Для того чтобы обосновать основания криминализации пранка как общественно опасного деяния, необходимо провести криминологический анализ реакции государства на поведение пранка. Так как поведение пранкера является новой формой девиантного поведения, предполагается, что субъекты правоохранительной деятельности могут допускать неверное толкование закона при квалификации и назначении наказания за данное поведение.

В качестве примера приведем случай, произошедший в Москве 2 февраля 2020 г. В вагоне электропоезда молодой человек упал, имитируя внезапный приступ. При этом его сообщники выкрикивали фразы о наличии у него опасной вирусной инфекции коронавируса, провоцируя панику среди пассажиров, которые незамедлительно покинули вагон электропоезда [1].

Другой случай нарушения общественного порядка произошел в Челябинске. Так, постановлениями по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, Центральным районным судом были оштрафованы двое мужчин Садов О. С. [3] и Бирюков А. В. [4] за постановочное видео, инициировавшее перемещение якобы зараженного коронавирусом человека, при этом указанные лица одели белые костюмы химической защиты, медицинские маски, организовали стрельбу по убегающему мужчине из пистолета-хлопушки, добиваясь ответной реакции граждан – испуга. Исходя из постановлений дел об административных правонарушениях, можно заключить, что цель виновных была в побуждении реакции граждан в виде испуга, но при этом сцена, как и само видео, было постановочным. Мотив совершить пранк привел лиц к совершению мелкого хулиганства.

Следующий пример наглядно свидетельствует о том, как субъекты преступления по мотивам пранка совершают общественно опасное деяние

и пытаются уйти от уголовной ответственности. Так, 3 февраля 2021 г. Элистинский городской суд вынес приговор по уголовному делу в отношении мужчины, который в феврале прошлого года совершил дерзкое нападение на автозаправочной станции. Его признали виновным в разбое с применением оружия. Преступник забежал в операторскую комнату автозаправочной станции, там находилась касса, напал на охранника и потребовал денег. В руках у него был травматический пистолет, снаряженный 5 патронами. Свои действия он сопровождал угрозами, обещал убить. Охранник вступил в борьбу с недоброжелателем, злоумышленник понял, что охранник превосходит его физически, был вынужден уйти из помещения. С целью избежать уголовной ответственности, стал выкрикивать, что его действия – это пранк, т. е. шутка [6]. Данный пример является наглядным результатом деятельности и социальной обоснованности пранка отдельными членами общества. В сознании людей сложилось мнение, что пранк – это часто противоправное деяние, которое никак не регламентировано Уголовным кодексом Российской Федерации, а лицо, практикующее пранк, не привлекается к ответственности, что делает возможным совершение преступлений по мотивам пранка с целью избежать уголовной ответственности.

Пранк также является одним из способов избежать уголовной ответственности, если лицо не смогло довести свои преступные действия до конца по независимым от него обстоятельствам. Так, 23 февраля 2020 г. в Ноябрьске (Тюменская область) подросток пытался украсть из магазина алкоголь под видом пранка. Инцидент произошел в магазине «Магнит». Сотрудники магазина вычислили воришку, поймали его на выходе из торгового зала. Однако вместо того чтобы сознаться, подросток заявил, что вовсе не воровал алкоголь, а всего лишь хотел всех разыграть, при этом молодой человек несколько раз пытался сбежать, но ни одна из его попыток не увенчалась успехом [2].

Лица, практикующие пранк, целенаправленно полагают, что смогут уйти от уголовной ответственности, надеясь на то, что их действия не будут являться преступными в связи с отсутствием вины. Сегодня пранкеры в этом абсолютно правы. В соответствии со ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие обще-

ственно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Вина образует субъективную сторону преступления, которая подразделяется на умысел и неосторожность. Отсутствие преступного умысла не позволит правоприменителю привлечь лицо к уголовной ответственности.

Таким образом, наше общество столкнулось с новой формой девиантного поведения, которое по своей структуре является общественно опасным. Для разрешения данной правовой проблемы предлагается пранк признать составообразующим признаком отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также разработать отдельную статью в разделе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации за деяния пранкера.

Криминализация пранка позволит удержать его в рамках цивилизационного поля и принять меры, направленные на предотвращение преступлений, совершаемых по мотиву пранка. Немаловажно отметить и то, что криминализация позволит удержать появление новых девиантных явлений, основанных на пранке.

Библиографический список

1. Белоконова Е. Полиция Москвы задержала пранкера, который симитировал приступ от коронавируса в метро / Е. Белоконова // Комсомольская правда. – 2020. – 10 февр.

2. В Ноябрьске подросток под видом пранка хотел стащить алкоголь из магазина. – URL: <https://www-mk-yamal.ru.cdn.ampproject.org/v/s/www.mk-yamal.ru/amp/social/2020/02/24/v-noyabrske-podrostok-pod-vidom-pranka-khotel-stashit-alkogol-iz-magazina> (дата обращения: 22.02.2021).

3. Постановление Центрального районного суда г. Челябинска № 5-50/2020 от 14 февраля 2020 г. по делу № 5-50/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=5-50%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Центральный+районный+суд+г.+Челябинска+%28Челябинская+область%29®ular-judge=#searchResult (дата обращения: 22.02.2021).

4. Постановление Центрального районного суда г. Челябинска № 5-51/2020 от 14 февраля 2020 г. по делу № 5-51/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=5-51%2F2020®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Центральный+районный+суд+г.+Челябинска+%28Челябинская+область%29®ular-judge=#searchResult (дата обращения: 22.02.2021).

5. Словарь современного языка. – URL: <https://myslang.ru> (дата обращения: 02.06.2021).

6. Суд в Калмыкии отправил в тюрьму грабителя, выдававшего себя за пранка. – URL: <https://www-mk-kalm-ru.cdn.ampproject.org/v/s/www.mk-kalm.ru/amp/incident/2021/02/03/v-kalmykii-otpravili-vtyurmu-grabitelya-vydavavshego-seby-za-pranka> (дата обращения: 22.02.2021).

М. С. Патрушева,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии

Челябинского государственного университета

Школа как субъект предупреждения преступности несовершеннолетних в сельской местности

Аннотация. Автором на основе комплексного исследования криминологических показателей преступности несовершеннолетних обосновано делается вывод о том, что при разработке и формировании эффективных мер предупреждения преступности несовершеннолетних необходимо учитывать особенности, присущие сельской местности. Так, одним из важнейших отличий является отсутствие в селе мест для проведения досуга. Практически единственным местом, где дети получают не только образование, но и культурное обогащение в целом, является школа.

Ключевые слова: криминология, школа, несовершеннолетний, сельская местность, преступность, уголовное право, предупреждение, досуг, профилактика преступности, детерминация преступности.

Вопрос о преступности несовершеннолетних в сельской местности не нашел широкого распространения в современной научной литературе. Несмотря на это, тема представляет теоретический и практический интерес, имеет важное значение для формирования комплексных мер по предупреждению данного вида преступности.

В соответствии с действующим Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3], среди прочих, к субъектам профилактики относятся органы, осуществляющие управление в сфере образования, и организации, осуществляющие образовательную деятельность. В данной работе в качестве такой организации рассматривается школа.

При разработке и формировании эффективных мер предупреждения преступности несовершеннолетних необходимо учитывать особенности,

присущие сельской местности. Так, одним из важнейших отличий является отсутствие в селе мест для проведения досуга. Практически единственным местом, где дети получают не только образование, но и культурное обогащение в целом, является школа.

В школе подростки общаются друг с другом, получают необходимые знания, навыки, происходит работа в коллективе, ребенок социализируется, формирует моральные и нравственные ценности, в то же время учителя выполняют воспитательную, образовательную функцию.

Исходя из этого, школу как субъект предупреждения преступности несовершеннолетних следует понимать в двух аспектах. Во-первых, школа – это место, в котором ребенок находится под присмотром педагогов. В связи с тем, что для сельских школ характерна малочисленность классов, у учителей есть возможность своевременно выявлять неблагоприятную атмосферу в семье, подозрительное поведение со стороны ребенка, поддержание дружеских отношений с лицами, склонными к противоправному поведению, и т. д. Эти и другие признаки являются основанием для включения несовершеннолетнего в «группу риска». В отношении таких детей и их родителей проводится психолого-педагогическая работа, родителей консультируют по вопросам воспитания. При этом общение между подростками и педагогами должно носить дружеский характер, недопустимо говорить ребенку, что он плохой, а также преуменьшать его проблемы.

Помимо всего прочего, важно отметить, что педагоги, работающие с «трудными» детьми, должны иметь специальную подготовку, в том числе обладать знаниями не только в области педагогики, но и психологии, права, обладать высоким уровнем коммуникабельности, уметь найти подход как к ребенку, так и его родителям, для того чтобы не вызвать отрицательной реакции, при которой ребенок перестанет идти на контакт.

Во-вторых, школа – место, на базе которого важно развивать основные формы для проведения досуга. Большая часть кружков, спортивных секций базируется именно в школе, но в связи с нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием материальной обеспеченности данные формы занятости для несовершеннолетних в селе становятся недоступными.

В качестве примера положительного взаимодействия могут являться волонтерские отряды, созданные при школе или администрации села. Посредством участия в добровольческих мероприятиях, имеющих высокую общественную значимость, у подростков формируется уверенность в своих возможностях, они чувствуют, что нужны обществу в положительном

ключе. Это может быть помощь пожилым людям, субботники на общественных территориях села, оформление клумб и т. д.

В специальной литературе часто встречается мнение о необходимости включения в работу коллектива ребят из числа «трудных» подростков, в том числе совершивших преступление. Согласно данной точке зрения «организация такой деятельности препятствовала бы формированию групп несовершеннолетних асоциальной направленности, членами которых становятся дети, не нашедшие себе места в коллективе школы, досуговых учреждениях» [1, с. 20].

В науке подтверждается точка зрения о необходимости существования в селах такого социального института. Так, К. Ю. Логиновой было проведено исследование влияния ликвидации малокомплектных школ на преступность несовершеннолетних в сельской местности [2]. В результате исследования было установлено, что, несмотря на снижение общего числа совершенных преступлений, изменился их качественный состав. Преступность стала отличаться большей жестокостью, организованностью, продуманностью.

Таким образом, сельские школы в настоящее время обладают высоким потенциалом в вопросе предупреждения преступности несовершеннолетних в сельской местности, но для эффективного осуществления данной деятельности необходимо привлекать в села квалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем профессиональных компетенций. Помимо этого, сельские школы нуждаются в увеличении финансирования, повышении материальной обеспеченности классов, спортивных площадок, спортивных залов и т. д.

Библиографический список

1. *Байтимова А. Н.* Школа как субъект раннего предупреждения преступности несовершеннолетних / А. Н. Байтимова // *Моя профессиональная карьера.* – 2020. – Т. 3, № 13. – С. 18–21.

2. *Логинова К. Ю.* Ликвидация малокомплектных сельских школ как одна из причин преступности несовершеннолетних в сельской местности (на примере Новокузнецкого муниципального района) / К. Ю. Логинова // *EUROPEAN RESEARCH : сб. ст. победителей VIII Междунар. науч.-практ. конф.* – Пенза : Наука и Просвещение, 2017. – С. 258–260.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // *Российская газета.* – 1999. – 30 июня.

А. В. Сердюков,

руководитель следственного управления

Следственного комитета Российской Федерации

по Республике Калмыкия, аспирант Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации

Место и роль криминологии в системе научных знаний об обществе и человеке

Аннотация. Излагается новый код к пониманию предмета и сферы интересов криминологии. Наряду с собственно предметом криминологии, исследуется относительно новое понятие «круг ее интересов», обязательных для криминологии. Выявляется соотношение частных научных криминологических теорий с предметом этой дисциплины, ее связь с другими отраслями научного знания. Предпринята попытка систематизации накопленных в теории и практике криминологических знаний относительно обозначенной проблемы, предложено авторское определение места и роли криминологии в системе научных знаний об обществе и человеке.

Ключевые слова: криминология, наука, предмет криминологии, преступность, уголовное право, история, предупреждение, профилактика преступности, детерминация преступности.

Криминология – несомненно, комплексная и междисциплинарная, постоянно прогрессирующая наука, которая теснейшим образом связана как с жизнедеятельностью общества в целом, так и с каждой отдельной личностью, а также с возникающими в социуме проблемами и конфликтами.

Криминология как междисциплинарная, социально-правовая наука находится в постоянном взаимодействии и с правовыми, и с общественными дисциплинами. При этом криминология использует достижения как других юридических наук: уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминалистики, административного права,

оперативно-розыскной деятельности, так и неюридических наук: социологии, психологии, психиатрии, политологии, экономики, статистики, педагогики. Разумеется, что перечислены не все науки, с которыми у криминологии могут возникнуть точки соприкосновения. Так, вполне возможны ее связи, например, с семейным правом при исследовании проблем преступности несовершеннолетних или с финансовым правом при изучении преступности в сфере экономической деятельности [8].

Важно отметить, что вопрос о месте криминологии в системе наук был и остается дискуссионным, и возник он не случайно. Это обусловлено тем, что криминология связана со многими общественными и правовыми науками в силу своего предмета и метода [1].

Данный вопрос в юридической доктрине рассмотрен в трех аспектах: 1) криминология – это часть науки уголовного права; 2) криминология не является юридической наукой; 3) криминология является комплексной наукой, стоящей на стыке социальных и юридических наук [2].

В 60-е гг. прошлого столетия (в бывшем СССР) была распространена позиция, в соответствии с которой криминология признавалась частью науки уголовного права. Данную позицию в наиболее полном виде сформулировал А. А. Герцензон. При этом последний приводил такие аргументы, как: криминология основывается главным образом на принципах и положениях науки уголовного права, основные понятия черпает из этой науки; криминология – результат развития социологических исследований в уголовном праве, поэтому если выделить криминологию в самостоятельную науку, то это лишит науку уголовного права социологического метода, приведет к ее «догматизации», изучению ее юридических норм в отрыве от социальной действительности; выделение криминологии в самостоятельную науку ослабит ее служебную роль в борьбе с преступностью, поскольку криминология может раствориться в ряду других наук, роль юристов отодвинется на второй план, ведущая роль перейдет к представителям других наук (биологии, психиатрии и т. д.), которые займутся не своими исследованиями [3].

Важно отметить, что уже в эти годы во многих криминологических исследованиях стали применяться достижения других наук (правовых и социальных), в частности, использовался понятийный аппарат (понятия

«личность», «психологическая структура», «социальные группы» и др.) [5].

Кроме того, развитие научных исследований показало, что предметы криминологии и науки уголовного права не идентичны. Так, обе науки изучают преступление, однако уголовное право исследует состав преступления, криминология же исследует преступление как явление социальное. При этом надо понимать, что криминология изучает преступность, которая не может быть сведена к простой совокупности всех совершенных преступлений. Отдельные преступления для криминологии лишь единичные проявления [6]. К предмету исследования обеих наук относится личность человека, совершившего преступление, как субъекта преступления, при этом криминологию интересует вся совокупность социальных свойств лица, которые детерминируют преступное поведение и могут быть использованы в индивидуальной профилактике преступлений.

Причины и условия, способствующие совершению преступления, уголовное право изучает лишь для правильной квалификации преступного деяния и индивидуализации наказаний, тогда как криминология исследует не только причины и условия преступления, но и механизм их взаимодействия. К предмету криминологии относится также изучение таких факторов преступности, которые опосредованно влияют на ее состояние, создают благоприятный социальный фон для ее существования и развития (например, алкоголизм и иные формы отклоняющегося поведения).

К предмету уголовного права и криминологии относятся проблемы предупреждения преступности, при этом целью уголовного права является (с помощью осуждения преступника) принуждение осужденного к позитивному поведению. В меньшей степени уголовно-правовая наука изучает проблемы предупреждения преступности (общего предупреждения), которое осуществляется через информационное воздействие на население или через удовлетворение его карательных притязаний в сфере применения уголовного закона органами уголовной юстиции [9]. Криминология изучает предупреждение, которое реализуется через меры, составляющие содержание криминологической политики (контроль, наблюдение, оказание помощи, воспитательное воздействие и т. д.). Понятийный аппарат криминологии не определяется уголовным правом. Например, у двух наук разное понимание рецидива преступлений.

Суть второй позиции о месте криминологии в системе научных знаний об обществе и человеке состоит в том, что криминология не относится к юридическим наукам. При этом одни исследователи утверждали, что криминология относится в основном к естественным наукам, в частности к генетике [7], другие считали криминологию частью социологии [4]. Высказывалось также мнение, что криминология – это междисциплинарная наука, основывающаяся на достижениях социологии, психиатрии, судебной медицины, генетики, педагогики и др. (такая позиция обосновывается учеными США [10]). Представляется, что этот подход уводит ученых от предмета криминологии.

Все же криминология является самостоятельной комплексной наукой, стоящей на грани социальных и правовых наук, социальной она является, поскольку явления, составляющие ее предмет, социальны по своей сущности. Социальными по преимуществу являются и другие элементы предмета криминологии.

Детерминанты преступности (причины, условия, факторы) – это негативные социальные процессы, которые есть в любом обществе и которые обуславливают существование и изменение преступности во времени и пространстве.

Библиографический список

1. *Антонян Ю. М.* Личность преступника: криминологическо-психологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Г. Эминов. – Москва : Инфра-М, 2010. – 366 с. – ISBN 978-5-91768-077-4.
2. *Гельфер М. А.* Советская криминология / М. А. Гельфер, П. И. Гришаев, Б. В. Здравомыслов. – Москва : ВЮЗИ, 1967. – 120 с.
3. *Герцензон А. А.* Уголовное право и социология / А. А. Герцензон. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 286 с.
4. *Ковалев М. И.* Основы криминологии / М. И. Ковалев. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 160 с.
5. *Курганов С. И.* О стереотипах в криминологии / С. И. Курганов // Государство и право. – 1998. – № 1. – С. 61–65.
6. *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. / В. В. Лунеев. – Москва : Юрайт, 2011. – Т. 1 : Общая часть. – 1003 с. – ISBN 978-5-9916-1751-2.

7. *Ной И. С.* Методологические проблемы советской криминологии / И. С. Ной. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – 222 с.

8. *Познышев С. В.* Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника, в частности / С. В. Познышев. – Москва : Инфра-М, 2007. – 302 с. – ISBN 978-5-16-002934-4.

9. *Филимонов В. Д.* Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 198 с. – ISBN 5-94201-167-2.

10. *Bartol C. R.* Criminal behavior: a psychosocial approach / C. R. Bartol. 6th ed. Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 2002. – 352 p.

Ю. А. Колотова,

старший помощник руководителя следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия
(по защите государственной тайны и мобилизационной работе),
аспирант Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации

Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития

Аннотация. На основе анализа основных положений криминологической науки определены основные важные периоды в истории отечественной криминологии, а также ее современное состояние и перспективы развития. Автором утверждается, что криминологическое мышление должно базироваться на методологии, конвергирующей как ее базовые традиционные положения, так и инновационные принципы познания окружающей действительности, разработанные и внедряемые в науке.

Ключевые слова: криминология, наука, преступность, история, предупреждение, когнитивизм, профилактика преступности, криминологическая ассоциация.

Криминология – это наука о преступлении (от лат. *crimen* преступление и греч. *logos* наука). При этом криминология многогранна и понимается не только как изучение совершаемых преступлений, но и как выявление их причинности в целях разработки и принятия мер по контролю и своевременному предупреждению криминальных отклонений, а также их прогнозированию [8]. В предмет криминологии также входит организация прогнозирования, программирования, планирования деятельности в сфере борьбы с преступностью [7]. Представляется, что именно в этом значении криминология сохраняет свою изначальную сущность, а именно, изучение

путей выживания человечества в условиях растущей криминализации общественных отношений.

Вместе с тем человеческое общество далеко не всегда осознает возрастающую опасность преступности, при этом и в России, как и в других государствах, нет адекватного и полного осознания криминальных тенденций. Несомненно, что развитие цивилизации содействует борьбе с преступностью, но ее достижения не способствуют радикальной минимизации преступности [7].

Важно отметить, что криминология является самостоятельной и комплексной наукой, она опирается на достижения: социологии, политологии, уголовного права, экономики, демографии, политологии, науки управления, статистики, общей и социальной психологии, уголовного процесса, криминалистики, исполнительной, финансовой и иных отраслей права [3].

В истории отечественной криминологии, как известно, выделяют несколько периодов развития: это дореволюционный, советский и российский. В дореволюционный период преступность в основном изучалась в рамках социологической школы уголовного права. При этом метод статистического анализа признавался одним из важнейших методов исследования закономерностей развития преступности [5]. Данные выводы нашли свое отражения в трудах М. Н. Гернета, М. В. Духовского, М. М. Исаева, П. И. Люблинского.

В научной доктрине справедливо указывается на то, что начало обоснованию русской уголовной и судебной статистики было положено именно запиской «О законоположении», представленной в 1801 г. в комиссию по выработке законов А. Н. Радищевым. Именно А. Н. Радищев указал на связь законотворчества и статистики, он же и определил статистику как средство для создания эффективного закона [9].

В послереволюционное время, т. е. после 1917 г., криминология продолжала развиваться, особый интерес в указанный период представляли изучения личности преступника и криминогенных факторов, что обуславливало создание криминологических кабинетов, например, в Петрограде в 1918 г., в Саратове в 1922 г., в Москве в 1923 г. и др. Позднее, в 1925 г., был образован Государственный институт по изучению преступности и преступника при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР. Одной

из важных задач данного института являлась координация криминологических исследований. Основной научный вклад в исследование был внесен трудами А. А. Герцензона, В. И. Куфаева, Д. П. Родина, Е. И. Тарновского, А. С. Шляпочникова и др. Однако партийной властью были приняты решения о ликвидации криминологических учреждений по идеологическим соображениям. Более того, ряд исследователей-криминологов были подвержены репрессиям [1]. И только в XX в. (60-е гг.) криминология стала снова изучаться в юридических вузах страны как самостоятельная дисциплина, а в 1966 г. был издан учебник «Криминология».

Преподавание данной дисциплины было вызвано необходимостью подготовки квалифицированных профессионалов, которые могли бы противостоять постоянно развивающейся в совершенно разных направлениях преступности, ее новым формам и видам. Таким образом, криминология уверенно вошла в номенклатуру научных специальностей, по которым стали присуждаться ученые степени кандидатов и докторов наук – 12.00.08 [4].

Современная отечественная криминология представлена трудами следующих ученых: Г. А. Аванесов, А. И. Алексеев, В. Н. Кудрявцев, С. Я. Лебедева, В. В. Лунеева, Д. В. Побегайло, А. Б. Сахаров, В. С. Устинова, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминов и др. Благодаря неопределимому вкладу указанных ученых российская криминологическая школа достойно представлена в мировом масштабе.

Уже в 1991 г. была создана Российская криминологическая ассоциация, основными формами которой являются подготовка научных семинаров, различных конференций, издание специальной литературы, проведение экспертиз и многое другое. При этом все члены ассоциации профессионально занимаются развитием криминологии и перспективных научных направлений в сфере профилактики преступлений, защиты государственных и общественных интересов от преступных посягательств, выработки научно обоснованных концепций предупреждения преступности [2]. Кроме того, в настоящее время российским криминологам свойственно проявление особого внимания к современным зарубежным теориям в области профилактики преступлений. Многие успешные труды зарубежных научных деятелей постоянно переводятся на русский язык. В свою очередь труды отечественных криминологов также переводятся на иностранные

языки, что позволяет результативно обмениваться результатами научных исследований. Нельзя не отметить и высокий рост теоретических и прикладных разработок в последние годы, что связано, помимо прочего, с постоянным совершенствованием законодательства и практики его применения.

Современная криминология представляет сведения об уровне преступности, а также о ее структуре, динамике, эффективности профилактической деятельности, прогнозирует изменения в криминальной среде, чем, безусловно, определяет стратегию и тактику уголовной политики [6].

Несмотря на значительные успехи, необходимо всегда принимать во внимание то обстоятельство, что преступность постоянно развивается, она проявляет себя в новых видах и формах. Примером могут служить преступления, относящиеся к сферам информационных технологий, в том числе и мошенничество через интернет, а также рейдерские захваты организаций и иное. Вместе с тем криминология нуждается в методах предвидения и осознания истины, концептуально соприкасаясь с когнитивизмом, естественно-научной трактовкой базовых категорий, трансформацией и конвергенцией достижений нано- и биотехнологий в ее предметные области следом за научными достижениями именно в этой сфере (конвергенция наук и технологий). Безусловно, криминологическое мышление должно базироваться на методологии, конвергирующей как ее базовые традиционные положения, так и инновационные принципы познания окружающей действительности, разработанные и внедряемые в науку.

Таким образом, сложившаяся ситуация сама диктует необходимое условие – постоянное развитие отечественной криминологической мысли.

Библиографический список

1. *Антонян Ю. М.* Криминология. Избранные лекции / Ю. М. Антонян. – Москва : Логос, 2004. – 448 с. – ISBN 5-94010-298-0.
2. *Долгова А. И.* Криминология / А. И. Долгова. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – 384 с. – ISBN 978-5-468-00252-0 (Норма), 978-5-16-004262-6 (Инфра-М).
3. *Клейменов М. П.* Криминология / М. П. Клейменов. – Москва : Норма : Инфра-М, 2012. – 431 с. – ISBN 978-5-91768-292-1.

4. Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 575 с. – ISBN 978-5-238-03277-1.

5. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – Москва : Юристъ, 2007. – 734 с. – ISBN 5-370-00149-9.

6. Криминология / [науч. ред.: Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев]. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 629 с. – ISBN 5-466-00019-1.

7. Криминология: Особенная часть / под общ. ред. Ф. К. Зиннурова. – Казань : КЮИ МВД России, 2011. – 508 с. – ISBN 978-5-901593-24-0.

8. Лунеев В. В. Криминология / В. В. Лунеев. – Москва : Юрайт, 2019. – 686 с. – ISBN 978-5-9916-3768-8.

9. Остроумов С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С. С. Остроумов. – Москва : [б. и.], 1961. – 303 с.

А. В. Исмагилова,

следователь контрольно-следственного отдела
следственного управления Следственного комитета Российской Федерации
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре,
аспирант кафедры криминалистики Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

Влияние криминологии на развитие криминалистического учения о личности

Аннотация. Рассмотрено влияние криминологии на развитие криминалистического учения о личности. Основной акцент делается на методологических аспектах – при криминалистическом изучении личности предметом исследования становятся свойства человека, в связи с чем рассматриваемое учение обоснованно именуется о личности, а не о человеке. Делаются выводы о том, что для криминалистики интерес представляют те свойства и качества личности, которые: во-первых, определяют цели преступного деяния (безусловно, необходимо как для предотвращения преступлений, так и для их выявления и раскрытия); во-вторых, участвуют в процессе детерминации слеодообразования; в-третьих, обуславливают его социальные регуляторы (необходимо при осуществлении расследования (например, для определения тактики допроса)).

Ключевые слова: преступность, криминология, криминалистика, личность преступника, борьба с преступностью, раскрытие преступлений, предупреждение, информация, криминалистическая идентификация, диагностика.

Жизнь как человечества в целом, так и российского общества, в частности, меняется, а в последние десятилетия меняется стремительно. Человеку каждого десятилетия трудно представить жизнь в десятилетии будущем и наоборот. Сейчас нам сложно понять, как следователь 1990-х или даже 2000-х гг. жил и работал без сотовой связи, Интернета, смартфона, ноутбука, без детализаций и биллинга, UFED, молекулярно-

генетической экспертизы и еще очень многих достижений науки, которые для современного следователя совершенно обыденны. Однако с изменением жизни меняется не только следователь как единица общества, но все общество, в частности, преступник.

«Пираты XX в.» не остались прежними в XXI в., они изменились, стали более оснащенными, приобрели определенные особенности, ранее не присущие им черты, изменили процессы взаимодействия (с любыми субъектами, объектами и явлениями) внутри преступной деятельности и вне ее. Соответственно, претерпевают изменения и закономерности, обуславливающие возникновение криминалистически значимой информации. Это значит, что данные закономерности требуют изучения и на их основе совершенствования существующих и разработки новых средств и методов как выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в целом, так и исследования механизма преступления, в частности.

Необходимо оговориться, что автор придерживается общепринятых понятий человека и личности, понимая под человеком живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда [2, 3, 4, 5], а под личностью – совокупность социальных и субъективных признаков и свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность [4, 5].

Криминалистическая идентификация и диагностика человека по его отображениям, антропоскопия, габитоскопия, гомология – все эти научные положения имеют в качестве предмета исследования человека [6]. При криминалистическом изучении личности предметом исследования становятся свойства человека, в связи с чем рассматриваемое учение обоснованно именуется о личности, а не о человеке.

Человек и его система ценностей формируются под воздействием различных факторов: политических, социальных, экономических, географических, – в результате закономерно формируются устойчивые свойства и качества личности преступника. Криминология устанавливает их, исследуя социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые особенности личности преступника, анализируя причины формирования личности преступника в разрезе криминологических теорий происхождения преступности и классификации личности.

Для криминалистики интерес представляют те свойства и качества личности, которые, во-первых, определяют цели преступного деяния (безусловно, необходимо как для предотвращения преступлений, так и для

их выявления и раскрытия), во-вторых, участвуют в процессе детерминации слеодообразования, в-третьих, обуславливают его социальные регуляторы (необходимо при осуществлении расследования, например, для определения тактики допроса).

Как верно отмечено В. Ф. Глазыриным, криминалистическое изучение личности преступника проводится с целью получения необходимых данных для успешного раскрытия преступления, выбора и применения наиболее эффективных тактических приемов оказания на преступника нужного воспитательного воздействия [1, с. 73].

Библиографический список

1. *Глазырин В. Ф.* Личность обвиняемого и тактика следствия / В. Ф. Глазырин // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. – С. 70–76.

2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : [в 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000. – ISBN 5-200-02800-0.

3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Рус. яз., 1986. – 797 с.

4. Словарь русского языка : в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – Москва : Рус. яз., 1985–1988.

5. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва : Дом Славян. кн., 2008. – 959 с. – ISBN 978-5-903036-99-8.

6. *Фойгель Е. И.* К вопросу о соотношении понятий «человек» и «личность» в криминалистике / Е. И. Фойгель // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 2(10). – С. 71–78.

А. Н. Уфимцев,

старший преподаватель кафедры уголовного права
и прикладной информатики в юриспруденции
Тамбовского государственного технического университета

А. Ю. Чиркина,

магистрант кафедры уголовного права и прикладной
информатики в юриспруденции
Тамбовского государственного технического университета

Определение способа совершения преступлений, связанных с медицинской деятельностью

Аннотация. В центре внимания авторов – проблема определения способа совершения преступлений, связанных с медицинской деятельностью. Отмечается значимость каждого этапа назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы, при проведении которой любое допущенное нарушение не позволит определить характер причиненных повреждений. Важная роль в обеспечении работы эксперта отводится следователю.

Ключевые слова: медицинская деятельность, судебно-медицинская экспертиза, способ совершения преступления, следователь, врачебная ошибка.

В условиях состязательности сторон в уголовном судопроизводстве особую важность при расследовании преступлений, в том числе связанных с медицинской деятельностью, приобретает правильное установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу [1, с. 55]. Согласно проведенному нами анализу уголовных дел данной категории большая их часть совершается с применением различных интеллектуальных схем, но с ярко выраженным корыстным мотивом. Субъекты преступлений, решая нарушить определенные правила медицинской деятельности, в основном в умышленных преступлениях, тщательно планируют и готовятся к предстоящему пре-

ступлению. Даже банальное получение денежных средств за незаконную справку или листок нетрудоспособности позволяет преступнику проявить свои профессиональные знания в этой сфере деятельности. Нельзя выдумать болезнь. Следует продумать такие ее симптомы, которые позволят применить механизм лечения, не затрагивающий здоровье человека, но не позволяющий визуально выявить факты подлога. В связи с этим органам правопорядка не всегда удастся выявить и доказать именно способ совершения медицинских преступлений. В отдельных случаях взаимосвязанная система поведенческих актов субъекта не выражена в виде видимых объективных и субъективных факторов. Не достаточно видны поставленные цели преступника. Тем не менее при расследовании данных деяний опытный следователь всегда знает, что одним из весомых доказательств способа совершения медицинских преступлений является проведение различного вида экспертиз. Например, при неосторожном причинении смерти или увечий другому лицу проводится судебно-медицинская экспертиза. По мнению некоторых практических работников и ученых, наиболее распространенными ошибками при получении доказательств по уголовным делам в медицинской сфере являются следующие: показания потерпевших не подкреплены другими объективными сведениями (медицинские документы, справки); экспертизы назначаются несвоевременно или задаются вопросы, не имеющие конкретного ответа; не предоставляются на экспертизу все необходимые доказательства. Не рассматривая различные дискуссионные вопросы теории судебных экспертиз, остановимся на частных практических вопросах, которые возникают при их проведении.

При проведении судебно-медицинской экспертизы по преступлениям в медицине, в большинстве случаев перед экспертом ставится вопрос о способе совершения преступления. Это касается случаев, когда потерпевшему причинен вред здоровью или смерть.

Необходимость исследования повреждений живого лица либо трупа обуславливается наличием ряда обстоятельств, а именно, следует установить: существует ли необходимость получения данных о повреждениях или смерти при помощи того или иного способа, например, удар тупым предметом, повешение и т. д.; предоставлены ли эксперту все материалы и документы; своевременно ли назначена данная экспертиза.

Своевременность назначения экспертизы в делах, связанных с медицинской деятельностью, определяется особенностями быстрой потери фактов, имеющих доказательственное значение. Трупы разлагаются, болезни переходят в иную стадию, телесные повреждения видоизменяются. Особенности и величина повреждения тканей с учетом их прочности и способности реагировать на внешний раздражитель зависят от характера повреждающего фактора и временных свойств. По характеру повреждающих свойств среди травмирующих факторов возможно выделить следующие группы.

1. Физические факторы, к числу которых относятся: механические, электромагнитные, барометрические, термические, воздействие лучистой энергией.

2. Химические факторы: травма за счет энергии химических связей и физико-химических свойств вещества (химические ожоги, отравления).

3. Биологические факторы: травма за счет энергетических свойств биологических объектов.

Например, для определения способа нарушения правил проведения операций исследуется механизм причинения повреждений. Механизм образования повреждений (механизм травмы) – это процесс взаимодействия повреждающего фактора и повреждаемой части тела или организма в целом [2, с. 5].

Выделяют следующие основные виды взаимодействия предмета и тела (части тела) человека.

1. Удар, т. е. кратковременное взаимодействие предмета и тела человека. От такого воздействия могут образовываться кровоподтеки, ушибленные раны, переломы, ушиб мозга.

2. Сдавление, т. е. действие сразу как минимум двух предметов на тело. В этом случае могут деформироваться сдавливаемые части тела, может иметь место размозжение тканей и органов, переломы, разрывы органов либо отдельных частей тела.

3. Трение, или скольжение. В этом случае предмет и тело движутся в касательном направлении по своей поверхности. Такое воздействие приводит к образованию ссадин.

4. Растяжение. Это воздействие на тело двух и более предметов посредством центробежных сил. В этом случае могут образоваться отрывы и разрывы тканей и органов.

5. Сотрясение – резкое инерционное смещение органов тела человека при сильных ударах в сторону, противоположную направлению движения. Общее ударное сотрясение тела сопровождается повреждением фиксирующего и связочного аппаратов внутренних органов, кровоизлиянием в корнях легких, разрывом ворот почек и др. [3].

Если производится экспертиза трупа, то для определения способа совершения медицинского преступления выясняется в первую очередь причина смерти. В теории и практике выделяют определенные признаки, характерные для того или иного способа причинения смерти. Например, в случае ухудшения положения лица при неполучении кислорода могут иметь место следующие повреждения: кровоподтеки на слизистой десен и губ, изменения формы губ и носа, приплюснутость носа, наличие повреждений гортани и пищевода.

Если преступление совершено путем отравления, то к признакам, которые могут характеризовать отравление, можно отнести: наличие химических ожогов вокруг рта, пятна на одежде, потеки, разрушение ткани одежды, наличие резкого запаха лекарства, необычный цвет трупных пятен и т. д.

В судебно-экспертной практике наиболее часто встречающимися являются травмы, которые причинены по врачебной ошибке предметами, используемыми для осмотра или лечения. При таких повреждениях, как правило, имеются ссадины разной формы в зависимости от формы предмета и направления движения предмета, а также угла, под которым предмет соприкасался с телом человека. Если ссадина была образована посмертно, то вокруг не бывает кровоподтеков, а по краям ссадины отсутствуют следы воспалительного процесса. В результате действия тупым предметом также могут образовываться рваные, ушибленные, разможенные и лоскутные раны. Их форма зависит от формы и размера ударяющей поверхности, от силы произведенного удара и анатомической области тела, по которой нанесен удар. При этом вывод о том, каким орудием нанесено повреждение, можно сделать и на основе оставшихся по краям раны следов предмета, которым был нанесен удар, например, следы металлизации, дерева, пластмассы и т. д.

В этой связи очень важно провести комплекс действий по подготовке и назначению экспертизы. При планировании этого следственного действия следует провести полноценный сбор исходных материалов, необходимых для экспертизы. Нужно помнить о праве потерпевшего на ознаком-

ление с назначением экспертизы и его ходатайствами о включении других вопросов, имеющих значение для дела. Затем следует решить, какие материальные объекты будут направлены на планируемую экспертизу, выбрать экспертное учреждение и сформулировать вопросы, которые должны иметь объективное содержательное значение.

Таким образом, при исследовании способа совершения преступлений в медицинской сфере отмечаем значимость каждого этапа назначения и проведения экспертизы. Акцентируем внимание на том, что в процессе проведения экспертиз любое допущенное нарушение не позволит определить характер причиненных повреждений и на основании этого сделать вывод об использовании для совершения преступления определенного орудия, способа. Следует помнить, что именно в обязанности следователя входит обеспечение возможности для эксперта дать заключение, соответствующее требованиям полноты и объективности.

Библиографический список

1. *Желудков М. А.* Обоснование необходимости признания обстоятельств, способствующих совершению преступления, императивным элементом предмета доказывания по уголовным делам / М. А. Желудков, Ю. С. Андрианова // *Право: история и современность.* – 2019. – № 2. – С. 51–57.

2. *Кухарьков Ю. В.* Судебно-медицинская экспертиза характера и степени тяжести телесных повреждений / Ю. В. Кухарьков, М. В. Самойлович. – Минск : БГМУ, 2003. – 24 с.

3. *Пиголкин Ю. И.* Судебная медицина / Ю. И. Пиголкин. – Москва : ГОЭТАР-Медиа, 2012. – 496 с. – ISBN 978-5-9704-2103-1.

И. В. Карлов,

заместитель начальника кафедры управления
и административно-правовых дисциплин
юридического факультета
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат юридических наук

Тенденции развития и перспективные средства противодействия пенитенциарной преступности в Российской Федерации

Аннотация. Анализируются основные тенденции преступности в местах лишения свободы и перспективные пути развития механизмов противодействия данному общественно опасному явлению.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, осужденный, тенденция, уголовно-исполнительная система, профилактика.

Сегодня и в ближайшей перспективе, несмотря на значительную гуманизацию уголовно-исполнительной политики, расширение применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, поэтапное сокращение числа лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, лишение свободы по-прежнему остается (и, по нашему мнению, останется) одним из самых распространенных видов наказаний. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 г. лишение свободы назначалось в более чем половине случаев (56 %), при этом в 28,2 % случаев наказание являлось реальным [4]. С учетом заявленной темы конференции в настоящем исследовании предпринята попытка определить некоторые криминологически значимые тенденции преступности в местах лишения свободы и возможные пути противодействия данному общественно опасному явлению в будущем.

Ситуация с преступностью в местах лишения свободы остается достаточно сложной. С одной стороны, наблюдается стабильное снижение

общего числа выявленных преступлений в исправительных учреждениях, т. е. налицо положительная динамика. Однако, с другой стороны, данное снижение во многом связано с уже отмеченным сокращением общей численности осужденных. При этом темпы снижения численности осужденных существенно превосходят темпы снижения числа преступлений, выявляемых в исправительных учреждениях. Так, если за 2006–2020 гг. общее количество осужденных сократилось почти на половину (49,6 %), то число совершаемых осужденными преступлений снизилось гораздо меньше (на 38,7 %) [5].

Кроме того, наблюдается замедление процессов общего снижения уровня пенитенциарной преступности: наиболее значительным оно было в 2006–2009 гг. (на 31,8 %), в 2010–2014 гг. снижение составило 15,5 %, а за последние годы (с 2014 г.) даже наблюдается некоторый рост (на 6,3 %). Если же провести анализ коэффициентов преступности, то налицо экспоненциальный рост криминальной активности осужденных.

В связи с этим можно отметить, что положительный потенциал, заложенный гуманизацией наказания и простым сокращением числа осужденных, в основном уже исчерпан, как следствие, в местах лишения свободы повысился удельный вес лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Так, если в 2007 г. в исправительных колониях (как наиболее массовых исправительных учреждениях) число лиц, осужденных к лишению свободы на срок более 5 лет, было меньше числа осужденных на более короткие сроки, то к 2020 г. ситуация поменялась в обратную сторону – осужденных на длительные сроки стало больше в 1,4 раза [8].

Кроме того, среди осужденных существенно возросло и число рецидивистов: если в 2007 г. основное число лиц, содержащихся в исправительных колониях, составляли лица, осужденные к лишению свободы впервые, то к 2020 г. основным контингентом стали осужденные к лишению свободы третий раз и более. Естественно, это закономерный результат реформирования уголовно-исполнительной системы, призванный ограничить влияние криминальной среды в местах лишения свободы на лиц, впервые совершивших преступления, за счет применения альтернативных видов наказаний. Вместе с тем мы наблюдаем постоянное увеличение концентрации лиц, обладающих наиболее сильной криминальной деформаци-

ей личности, что крайне затрудняет проведение профилактической работы, ограничивает положительное воздействие со стороны более правопослушных осужденных, усиливает влияние группировок отрицательной направленности.

Все это происходит в условиях сокращения численности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, по данным статистической отчетности ФСИН России, с 2006 по 2020 г. численность сотрудников в среднем снизилась более чем на 20 %. Наиболее масштабные сокращения прошли в 2014 г., когда было сокращено почти 40 тыс. чел., или 15 %, причем значительная часть из них относилась к лицам, непосредственно осуществляющим работу с осужденными [6, 7]. Примечательно, что наблюдается некоторая корреляция между ростом числа пенитенциарных преступлений (начавшимся именно с 2014 г.) и сокращением численности персонала. Вышесказанное еще более актуально в условиях очередной волны сокращений государственных служащих в 2021 г. на 10 % [2]. Представляется, что в будущем, в условиях санкционной политики, сокращения государственного сектора и значительной офшоризации российской экономики периодически будут возникать сложности с финансированием государственного аппарата, а это непременно приведет к «оптимизациям» его численности, в том числе и в уголовно-исполнительной системе.

Понимая данную ситуацию, руководство страны и ФСИН России принимает меры, чтобы облегчить труд личного состава. Во многом это может быть достигнуто за счет цифровой трансформации и научно-технического развития уголовно-исполнительной системы, которые объявлены среди главных целей ее реформирования [3]. В настоящее время ФСИН России совместно с корпорацией «Ростех» подготовлен масштабный план цифровизации уголовно-исполнительной системы стоимостью около 25 млрд руб., в рамках которого планируется внедрить в 380 исправительных учреждений электронные системы документооборота, более совершенную систему видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, разработать и модернизировать собственные IT-системы, закупить компьютерную технику, а также разместить средства блокировки мобильной связи [1].

Важную роль станут играть автоматизированные системы управления и диспетчеризации ФСИН России (была введена в эксплуатацию в 2013 г.),

которые в перспективе получат дальнейшее развитие в комплексную систему автоматизации BMS (Building Management System) с появлением своего рода «умных тюрем», в которых глубоко интегрированы все системы обеспечения на основе искусственного интеллекта [7].

Повысится роль систем, связанных с накоплением, анализом и обработкой данных: статистических баз данных, программных комплексов автоматизированного карточного учета, поисковых информационных систем и др. В перспективе будет происходить их целенаправленная интеграция между собой и с информационными системами иных правоохранительных органов, что должно повысить скорость доступа и качество обработки данных. С учетом взятого курса на цифровизацию, уголовно-исполнительная система может превратиться в одно из самых технически оснащенных ведомств, что окажет значительную помощь персоналу исправительных учреждений в борьбе с пенитенциарной преступностью.

Библиографический список

1. В исправительных учреждениях появятся системы распознавания лиц, новые IT-сервисы и оборудование. – URL: <https://fsin.ru/news/v-ispravitelnykh-uchrezhdeniyakh-poyavyatsya-sistemy-raspoznavaniya-lits-novye-it-servisy-i-oborudovanie> (дата обращения: 21.02.2021).

2. В кабмине рассказали о масштабном сокращении госаппарата. – URL: <https://tass.ru/politika/11033171> (дата обращения: 22.05.2021).

3. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 10.05.2021).

4. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 г. по форме № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания». – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 12.05.2021).

5. Сведения о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях ИУ : отчеты ФСИН России по форме 2-УИС за 2006–2020 гг. – Документы опубликованы не были. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

6. Сведения о состоянии служебной дисциплины : отчеты по формам 3-Д, 3-ПР за 2009–2015 гг. – Документы опубликованы не были. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

7. Сведения о преступлениях среди личного состава УИС : отчеты по форме ФСИН-7 (работа с личным составом) за 2016–2020 гг. – Документы опубликованы не были. Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

8. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika> (дата обращения: 12.05.2021).

Научное издание

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции,
приуроченной к 30-летию Российской криминологической ассоциации

18 – 21 августа 2021 г.
Владимир – Суздаль

Издаются в авторской редакции

За содержание статей, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Подписано в печать 29.06.21.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 7,44. Тираж 150 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.